Quo Vadis, Молдова?

Центр изучения
Европейской интеграции (Литва)

Институт развития
и социальных инициатив
«Виторул» (Молдова)

Малти-М
Львов

ISBN 966-7642-13-5

«Quo vadis, Молдова?» — это 10 аналитических статей, которые помогут гарантировать более объективную оценку ситуации в Молдове. Публикация в большей мере ориентирована на профессиональный уровень — должностных лиц, работающих в Молдове, представительств дипломатических и международных организаций, неправительственных организаций, журналистов, аналитиков, представителей научного сообщества, но может привлечь внимание и широкой аудитории.

Перевод с русского на английский язык Центра иностранных языков «Диалог»

Художественное оформление — ООО Издательская фирма «Малти-М»

г. Львов, 2007 г.

Содержание

Вступительное слово
5

Путь Молдовы к независимости и борьба
за территориальную целостность
7

Конфликт в Приднестровском регионе на востоке Молдовы:
как найти выход?
21

Отношения Молдовы с Россией, Украиной и Румынией
28

Молдова: между Востоком и Западом
39

Состояние и перспективы экономики Молдовы
46

Нейтралитет Молдовы: что поставлено на карту?
53

Что там происходит? Идентичность, демократичность
и общественная сфера в Республике Молдова
58

Новые инициативы — ключ к успеху
66

ЕС и Молдова: туманные перспективы и явные недочеты
70

Quo vadis, Молдова?
78

Вступительное слово

Государство, так же, как и отдельно взятый человек, всегда рассматривает разные варианты действий на своем пути. Большинство решений, принятых на этом пути, не приводит к серьезным последствиям; однако, некоторые из этих решений могут иметь большое значение в будущем и стать решающими. Очевидно, что время для принятия таких — существенных — решений пришло в Молдове.

Текущие события в Молдове, их динамика и постоянно растущий интерес различных государств и международных игроков к восточной части Европы делают необходимым более глубокое понимание ситуации в регионе. Стремление Молдовы интегрироваться в Европейский союз, «замороженный» конфликт в Приднестровье, растущее давление со стороны Москвы, изменения, происходящие в Украине, и другие факторы требуют глубокого и тщательного анализа, который позволил бы получить более объективную оценку ситуации в Молдове, а также обеспечить принятие более эффективных решений как в самом государстве, так и за его пределами.

Статьи, представленные в этой книге, в полной мере отражают вышеназванные процессы, а также некоторые другие. С одной стороны, эти статьи анализируют основные изменения, произошедшие в государстве после выбора курса на интеграцию в ЕС, рассматривают текущую ситуацию и, наконец, переходят к дилеммам, стоящим уже длительное время перед Молдовой в контексте ее попыток обеспечить территориальную целостность и сохранить идентичность, разрешить конфликт в Приднестровье и найти свое место в структуре региона и международных отношений. С другой стороны, в них делается попытка показать наиболее эффективные пути реформирования Молдовы и ее максимально гладкой интеграции в ЕС путем рассмотрения ситуации через призму различных точек зрения.

Эта публикация является отличной возможностью для того, чтобы расширить и углубить понимание ситуации в Молдове. С ее помощью различным инициативам (особенно исходящим от Европейского Союза) будет легче найти свое место, а также эффективно воплощаться в жизнь в этой замечательной и интересной стране, в которой происходят столь серьезные изменения.

Книга «Quo vadis, Moldova?» — это попытка раскрыть сложность и многогранность ситуации в Молдове, сделать ее более понятной, снизить уровень неопределенности вокруг возможного будущего Молдовы, а также привлечь более пристальное внимание к процессам, происходящим в государстве, ибо они являются (или могут стать) важными для других стран. Существует огромная потребность в информации о Молдове, и эта книга нацелена на то, чтобы хотя бы частично удовлетворить ее.

Публикация «Quo vadis, Moldova?» в большей степени ориентирована на экспертный уровень — государственных служащих, работающих с Молдовой, сотрудников дипломатических и международных организаций, представителей неправительственных организаций, журналистов, аналитиков и членов академического сообщества. В то же время, мы рассчитываем, что большой диапазон затронутых в книге тем привлечет

внимание и широкой публики.

Общественная организация Центр изучения Европейской интеграции (учрежденная Министерством иностранных дел Литовской Республики совместно с Вильнюсским университетом) с ее разнообразной деятельностью (академические исследования, публикация книг, организация дискуссий, семинаров и конференций в контексте Европейского Союза) сыграла очень важную роль для Литвы в процессе ее интеграции в Евросоюз. Сегодня основная задача организации состоит в содействии более тесной интеграции Евросоюза и его развития. Мы надеемся, что Молдово-Литовский Фонд, который в данный момент открывается в Кишиневе, не только усилит сотрудничество между Литвой и Молдовой на всех уровнях, но также поможет расширить сотрудничество между Молдовой и ЕС, послужит укреплению гражданского общества Молдовы и окажет Молдове помощь в интеграции в Евросоюз.

Центр изучения Европейской интеграции выражает благодарность Посольству Литовской Республики в Молдове, а также сотрудникам Почетного Консульства Литовской Республики во Львове и негосударственной организации Институт развития и социальных инициатив (ИРСИ) «Виторул» (Молдова) за помощь в подготовке и публикации этой книги.

Центр изучения Европейской интеграции

Путь Молдовы к независимости и борьба за территориальную целостность

Политика независимости или неопределенности?

Рожденная на обломках Советского Союза, Молдова выбрала весьма туманный путь к независимости, мало понятный как ее элите, так и простому населению. Изначально объединившись против советской власти и тех, кто претворял ее в жизнь на местах, вскоре местная элита оказалась по разные стороны баррикад после провозглашения Декларации независимости 27 августа 1991 года. Опасаясь последствий радикализма, население Молдовы благосклонно восприняло умеренный политический консенсус середины 1990-х. Но политическая раздробленность и личные амбиции продолжали приводить к власти одно слабое правительство за другим. Ни одно из них не смогло решить проблемы экономики, ситуация в которой ухудшалась с каждым днем. Разочарование населения и утрата им иллюзий привели к росту популярности единственной сплоченной политической силы и, в конечном итоге, к триумфу Коммунистической Партии и Президента Воронина на выборах 2001 года. Стоит отметить, что это первый случай на постсоветском пространстве, когда коммунистическая администрация победила на свободных выборах.

«Яблоком раздора» в Молдове стало, в первую очередь, желание «аппаратчиков» сохранить некоторые из самых негативных особенностей старого режима: колхозы, государственный контроль над экономикой, централизованное управление. В этом заключалось принципиальное отличие Молдовы от Балтийских государств, элита которых видела своей первостепенной задачей именно ликвидацию подобного «советского наследия». Кроме того, в случае с Молдовой драматизма ситуации добавляли еще две проблемы: сепаратистское Приднестровье и вопрос объединения с Румынией. В последние десять лет отсутствие общенационального консенсуса поглощало всю политическую энергию и мобилизационный потенциал Молдовы. Внешние вопросы, как правило, считались менее важными, чем необходимость внутреннего сплочения. Некоторые полагали, что объединение с Румынией положит конец разногласиям. Другие были вполне довольны неопределенным, временным статусом Молдовы, который после многих лет покровительства Москвы казался предпочтительнее любой другой ситуации. Однако антикоммунистическая революция в Румынии вызвала серьезное беспокойство правящей элиты Кишинева, состоящей из бывшей советской номенклатуры. Ярче всего это выразилось в отделении Приднестровья военным путем [1] и попытках обострить

1. Территория площадью 4163 км² (сравните с Люксембургом, занимающим всего 2586 км²), с населением 660 тысяч человек (около 17% населения Молдовы), расположенная между Украиной и основной частью Молдовы, которая, однако, не ограничивается левым берегом. На территории Приднестровья расположен третий по размеру город на правом берегу — Бендер, вместе с окрестностями (кроме поселков на левом берегу, не контролируемых Тирасполем).

этническую ненависть среди проживающих на юге страны гагаузов. Оба конфликта потребовали большого количества энергии, на практике превратившейся в материальные, финансовые и политические потери. Не ставя под сомнение важность этих факторов, все же стоит отметить, что вооруженный конфликт 1992 года в первую очередь повлиял на политику внутри элитных кругов по трем основным направлениям.

Во-первых, он послужил причиной замедления реформ. Подписанием перемирия в 1992 г. Кишинев частично признал независимость Приднестровья, что де-факто означало захват сателлитами России, вооруженными и финансируемыми Москвой, части суверенной территории Молдовы. Во-вторых, отделение наиболее индустриально развитой части Молдовы сделало последнюю еще более зависимой от сельского хозяйства, импорта энергии, и попыток официальных властей контролировать торговлю и таможенные отношения с сепаратистским регионом. В-третьих, неспособность справиться с территориальным расколом и продолжение политики изоляции в условиях открытого покровительства России, предоставлявшей военную и политическую защиту, привело к развитию «комплекса неполноценности», который повлиял на политические процессы и правовые нормы Молдовы. В-четвертых, когда европейское сообщество всерьез занялось внутренним развитием, поддержкой демократии и расширением за счет принятия новых стран, достигших определенного уровня стабильности, оказалось, что Молдова находится отнюдь не на верхних строчках списка потенциальных кандидатов на членство в ЕС.

Нарушение территориальной целостности и отсутствие заметного прогресса в переговорах были вполне предсказуемы. Благодаря огромной военной и политической помощи Москвы, руководство сепаратистов стало еще сильнее после конфликта 1992 года. Оно сумело максимально использовать наличие так называемых «миротворцев» Российской Федерации для получения практически полного контроля над городами и поселками, как внутри «административной территории» Приднестровья, так и за ее пределами [2]. Контрабанда и нелегальная приватизация сделали правящую верхушку режима очень богатой, что позволило расширить криминальную сеть нелегальной торговли далеко за географические пределы их анклава. Война 1992 года стала крупной трагедией для жителей Приднестровья, которые почувствовали себя преданными; многие из них покинули пределы региона. За период между 1993 и 2005 годом население региона уменьшилось почти на 300 тысяч человек.

Развитие событий после конфликта также повлияло на расстановку сил в политической элите Кишинева. После 1993 года большинство национальных лидеров, стоявших у истоков полного и безоговорочного выхода из состава СССР, потеряли свои руководящие политические и административные позиции. На смену им пришли консервативные, но при этом популистские лидеры Аграрной Партии. Принятие новой Конституции в июле 1994 года позволило властям Кишинева успешно решить проблему гагаузской этнической группы, однако конфликт с тираспольскими лидерами

2. С более чем 100 тысячами человек (50 000 из которых стали беженцами в Украину) за шесть месяцев, и полностью измененной жизнью для тех, кто остался на контролируемой сепаратистами территории.

остался неразрешенным. Последние располагали достаточным влиянием и военной поддержкой Москвы, чтобы воспрепятствовать любым проектам реинтеграции, выдвигаемым Молдовой [3].

Создание эффективных институтов власти

Несмотря на проблемы, с которыми столкнулось молодое государство, формальные демократические институты были довольно быстро созданы в Молдове после 1991 года и даже считались «более совершенными», чем их аналоги в других странах СНГ. В то же время статистика показывает, что Республика Молдова пережила, наверное, самый сильный упадок из всех постсоветских государств: за период 1990—1994 гг. ее ВВП снизился на 60%, а в 1995—1999 гг. произошло дальнейшее снижение до уровня 34% от показателя 1990 года. Несмотря на постоянный экономический рост, начиная с 2000 года (2,1%, 6,1% и 7,2% между 2000 и 2005 гг.), очевидно, что 40% ВВП по сравнению с уровнем 1990 года вряд ли можно назвать большим достижением [4].

После 10-летнего падения ВВП (с 1991 года) экономика Молдовы начала восстанавливаться в 2000 году. Был достигнут совокупный 20-процентный рост, о котором правительство поспешило громко заявить как о самом серьезном своем достижении. Однако основной причиной такого роста стало повышение потребительского спроса, вызванное заметным увеличением реальных зарплат и существенным потоком денежных переводов от работающих за границей (около 1 миллиарда евро в год), поступления от которых в основном вкладываются в услуги и строительство. Мировой Банк классифицирует Молдову как страну с низким уровнем доходов. Действительно, по данным за 2001 год ВВП на душу населения, вычисленный в соответствии с паритетом покупательной способности, составил 2150 $, что ставит Молдову в нижнюю часть списка среди стран Центральной и Восточной Европы, а также западной части бывших советских республик. Даже Армения, Азербайджан и Грузия — три кавказские страны, развитию которых мешают войны и этнические конфликты — оставляют Молдову позади. В 2003 году ВВП на душу населения в Молдове составил всего 543 $, а в 2004 — 791 $, так что граждане Молдовы, путешествующие за границей, оказались в еще худшем положении.

Скромные достижения в области макроэкономической стабильности не могли привести к необходимым социальным улучшениям для обедневшего населения. В результате к 1997—1998 гг. около 600 тысяч человек (17% населения) выехали на заработки за рубеж [5]. По данным Доклада о мировом развитии за 2003 год 38.4% молдовского населения живет меньше чем на 2 $ в день. Это — самый низкий показатель среди европейских стран. Отсутствие последовательного экономического роста

3. Согласно данным МИД Молдовы, более 270 тысяч жителей Приднестровья являются гражданами Молдовы, как минимум 80 тысяч — России, и еще 80 тысяч — Украины.
4. EGPRSP General Trends, май 2004 г.
5. Данные предоставлены Департаментом по миграции Республики Молдова, 2003 г.

связано как с нестабильностью власти, популистскими решениями, противоречивым и неэффективным законодательством, так и с отсутствием реальных возможностей для осуществления заявленных планов. Кроме того, политическая динамика последнего десятилетия характеризуется недолговечными коалициями большинства и быстро сменяющими друг друга правительствами.

Следствием нестабильности законодательного процесса стала нестабильность институтов власти, которая, в свою очередь, негативно повлияла на эффективность работы молдавских административно-государственных служб, отличительной особенностью которых стала хаотическая циркуляция чиновников между государственными органами, а также отсутствие прозрачных, надежных и современных процедур приема на работу и несения ответственности за ее выполнение. Молдова, в которой за 12 лет сменилось 8 правительств, считается одной из наименее стабильных политических систем, наряду с Италией, Японией и Таиландом. Начиная с 1991 года, средний срок работы каждого правительства составлял 17,5 месяцев. Кроме того, следует учесть, что вдобавок к частой смене правительств Молдова занимает лидирующее место по раннему окончанию мандатов исполнительной власти. Исследование, проведенное Мировым Банком и Стенфордским университетом, подтверждает систематический дефицит «квалифицированного руководства» в Молдове [6].

Опросы общественного мнения показывают, что большинство населения недовольно эффективностью действий власти и не доверяет государственным органам [7]. К примеру, за период между 1992 и 2000 годом только в Закон о правительстве было внесено 25 поправок. Отражая сложность организации государственного сектора, эти поправки были вызваны не глобальной стратегией, а более или менее оправданными политическими решениями. Изменения касались объединения или разделения министерств, создания или закрытия подчиненных им управлений (отдельных руководящих органов, департаментов, децентрализованных служб) и других структур, находящихся в подчинении центрального правительства. За тот же период Министерство экономики реформировалось как минимум 5 раз, Министерство промышленности — 6 раз, Министерство культуры — 7 раз; число департаментов, подчиненных правительству, возросло с 4 в 1999 году до 12 в 2002 году.

С политической точки зрения в Молдове была создана многопартийная система с однопалатным парламентом, избираемым всеобщими прямыми выборами на пропорциональной основе. С августа 2000 года в Молдове установился парламентский политический режим, ставший весьма интересным примером модели

---

6. Кауфман Д., Крэй А. и Зойдо-Лобатон П., 2002 г. «Вопросы управления II: обновленные показатели за 2001 год». Мировой Банк и Стенфордский университет. Авторы исследования используют шесть интегрированных показателей: политическая стабильность, ответственность и прозрачность, эффективная политика, качество управленческих структур, верховенство права и контроль над коррупцией. Значение показателей колеблется в диапазоне от — 2,5 до 2,5, при этом 1 является стандартным значением, а большие значения указывают на более высокое качество.
7. См., например, «Барометр общественного мнения», октябрь — ноябрь 2004 года. Опрос проведен IPP, www.ipp.md.

власти для других стран СНГ (в частности, для Украины в 2005 году). В то же время у Молдовы есть и Президент, избираемый парламентским большинством в соответствии с конституционными изменениями, введенными в июле 2000 года.

Хотя Президент избирается законодательной властью, он все еще сохраняет большинство полномочий, оставшихся от полупрезидентской политической системы. Нынешний Президент государства решил остаться лидером самой крупной политической партии после того, как в первый раз победил на выборах в апреле 2001 года, и во второй — в апреле 2005-го. В марте 2005 г. Коммунистическая партия получила ¼ общего количества голосов; это число превратилось в ⅖ из-за низкой явки избирателей, и в ½ мест в парламенте из-за пропорционального распределения мандатов. Как в феврале 2001 года, так и в мае 2003 количество голосов, отданных за Коммунистическую партию, удвоилось. Однако в 2005 году достигнутый результат уже не был столь высоким из-за серьезной конкуренции в лице оппозиции.

Смещение баланса сил в сторону Запада

Боязнь КПРМ потерять контроль над избирательными участками, падение результатов на выборах (46,1% в 2005 по сравнению с 50,1% в 2001 году) и революционные процессы в Украине и Грузии заставили правящую партию пойти на сотрудничество с оппозицией. Буквально за несколько месяцев до выборов такое было трудно представить — но, тем не менее, новый курс был объявлен результатом «стратегического консенсуса», направленного на объединение государства, обновление общества и интеграцию страны в ЕС.

Первая политическая декларация, принятая законодательной властью во время первой сессии (24 марта 2004 года), определила приоритеты внутренней и внешней политики государства. В ней было заявлено, что «дальнейшее развитие Молдовы возможно только путем последовательного и необратимого движения курсом на европейскую интеграцию, мирное и демократическое разрешение Приднестровского конфликта, эффективное функционирование демократических институтов и защиту прав национальных меньшинств». В тот же день все политические партии, представленные в парламенте, подписали декларацию о политическом партнерстве с целью европейской интеграции Молдовы.

Коммунисты (КПРМ) превратились в сторонников Запада, а центристский альянс «Демократическая Молдова» был изгнан из «добровольной коалиции», будучи заподозрен в пророссийских симпатиях. Правоцентристская ХДНП проголосовала за утверждение лидера КПРМ на посту Президента Молдовы, но не поддержала повторное избрание Кабинета министров. Тем не менее, коммунисты получили эффективные рычаги власти для проведения своей политики. В дальнейшем, чтобы сохранить свой электорат, КПРМ придется адаптировать свою риторику, механизм принятия решений и внутренние порядки к европейским стандартам. Заново избранное коммунистическое правительство с готовностью подчеркивало свою приверженность идее евроинтеграции Молдовы, что стало явным идеологическим отходом от изначальной

пророссийской ориентации внешней политики КПРМ. И хотя аналитики продолжают спорить о том, насколько искренним и заслуживающим доверия был этот шаг, уже очевидно, что провозглашение курса на европейскую интеграцию, совместно с предпринятыми реальными шагами по реформированию правительственных структур и демократизации политической жизни (и то, и другое стало результатом сильного давления со стороны оппозиции), заметно подняло репутацию и легитимность коммунистического правительства в глазах ключевых международных игроков региона.

На первый взгляд, Молдова последовала той же парадигме, что и Украина и Грузия в 2005 году: у власти снова встали те, кто, похоже, никак не может порвать связи с предыдущим режимом. Угроза революционной «волны» в регионе заставила правящую партию заключить перемирие со старыми противниками; за «прекращения огня» пришлось расплачиваться уступками, результатом которых стал общенациональный консенсус по вопросам перспектив членства в ЕС и твердого подхода к разрешению Приднестровской проблемы. Это соглашение между правящей партией и оппозицией, заключенное после выборов, породило массу слухов и догадок. Одной из них стала угроза возможного исчезновения оппозиции в Молдове как класса, и переход переговоров между властью и ее оппонентами из официальной плоскости в «теневую».

Политический консенсус, достигнутый 4 апреля 2005 года, получил широкий резонанс как в Молдове, так и за ее пределами. Однако он до сих пор является довольно шатким из-за своей явно парадоксальной природы. Несмотря на то, что правящая партия продолжает заявлять о поддержке обеих намеченных целей, а демократизация и либерализация экономики были формально достигнуты, сохранение консенсуса требует внешней поддержки или даже давления. Достижению компромиссов между трудно совместимыми целями мешает единоличный стиль правления, центральной фигурой которого является Президент, общая нехватка государственных ресурсов для претворения в жизнь ключевых планов и оппортунистская сущность политических концепций. Значительные сегменты государственной политики находятся на уровне феодализма. Правительство, имея целью, прежде всего, сохранение *status quo* и удержание власти, занимается в основном удовлетворением самых насущных нужд населения и склонно рассматривать другие приоритеты только под давлением международного сообщества.

Результатом потери целого десятилетия на «переходной период» стал огромный массив структурных проблем, с которыми приходится иметь дело нынешней власти. Причины многих из них лежат гораздо глубже политики текущего (коммунистического) правительства, а их решение представляется затруднительным как в краткосрочной, так и в среднесрочной перспективе. Три основные проблемы прямо или косвенно связаны с распадом Советского Союза. Первая из них состоит в потере традиционных советских рынков для молдовского экспорта и сложностях, связанных с переориентацией экономики на другие рынки. Второй проблемой является трудноразрешимый Приднестровский конфликт, превратившийся из регионально-этнического очага противостояния в причину невозможности консолидации государства, а также в источник организованной преступности. И, наконец, третья

проблема — это заново поднятый вопрос о существовании отдельной молдовской нации и государственности перед лицом Румынии. Доминирование проблем нации и государственности в критически важной первой фазе посткоммунистического перехода привело, как минимум, к значительной потере времени и задержке демократических и экономических преобразований. Каждый из этих «вечных вопросов» поглощает огромное количество политической энергии, подрывает легитимность и стабильность власти и легко может быть использован в качестве оправдания для нерешенных ключевых проблем. Одним из элементов вышеописанной «цепной реакции» стал выезд за пределы страны наиболее образованной части молодого поколения. Это явление приняло размеры, доселе невиданные ни в одном посткоммунистическом государстве, и лишило Молдову человеческих ресурсов, жизненно важных для управления государством и проведения реформ.

Бедность и социальные проблемы

С экономической точки зрения Молдова представляет собой сочетание государственного контроля и дикого капитализма, что типично для слабых посткоммунистических стран. Молдова вступила в переходной период, будучи беднее, чем большинство стран Центральной и Восточной Европы, а также западной части СНГ. Основными причинами такой ситуации стали задержки в проведении реформ, структурные недостатки и крупные макроэкономические потрясения [8]. Доля государственного регулирования цен остается весьма значительной — равно как и теневой сегмент экономики (по разным оценкам — от 30 до 70 процентов ВВП), а также не облагаемые налогом денежные переводы от мигрантов (по некоторым данным — до 1 миллиарда Евро в год). Таким образом, функции государственного регулирования экономики ограничены контролем за «видимыми» секторами и обеспечением наиболее первостепенных нужд населения. Симбиоз государства и крупных финансовых кругов значительно ослабляет возможности и политическую волю противостоять монополиям и олигополиям.

Появлению крупных олигархов помешало только отсутствие ценных полезных ископаемых и размеры территории Молдовы. Страна вступила в ВТО в 2001 году, и ее экономика ориентирована на экспорт (около 50% ВВП). Большинство цен были либерализованы, а государственная торговая монополия — довольно быстро отменена. Молдова лишь выборочно интегрировалась в мировой рынок — по причине наличия государственного регулирования, нелегальных потоков товаров и нетарифных (административных) барьеров. Несмотря на значительный экономический рост в последние годы, в Молдове процветают социальное неравенство и нищета, а сама страна считается беднейшей в Европе. Вместо того чтобы уменьшить напряжение на рынке труда, массированный отток рабочей силы за рубеж (из-за легальной и нелегальной миграции, а также торговли людьми) нарушил социально-экономическую инфраструктуру, привел к дальнейшему снижению конкурентоспособности производства и прочно закрепил

8. МВФ, 2006; годовые доклады ЦБ Молдовы, Национальный доклад о развитии, 2006

тип потребления, основанный на получении денежных переводов из-за рубежа.

Отдельные изменения в законодательстве привели к позитивным результатам, но общие экономические тенденции остаются негативными, особенно в неофициальном секторе: процветает коррупция, функционированию рыночной экономики мешают административные и другие препятствия, а государство демонстрирует неспособность создать надежную законодательную базу. Экономика зависит как от энергоносителей и рынков Востока, так и от инвестиций, денежных переводов от мигрантов и помощи Запада. Размах полулегальной и открыто нелегальной экономической деятельности значительно вырос, бедность распространяется все шире, а объем иностранных инвестиций неуклонно падает.

Многие привилегии, которые раньше считались естественными, исчезли после 1991 года, а качество коммунальных услуг резко упало. У большинства граждан Молдовы слово «бедность» ассоциируется с низкими доходами. 78% респондентов считают низкие доходы основной формой бедности — но это лишь часть правды. Социальная защита стала одной из первых жертв переходного процесса в Молдове. Сегодня более 80% населения живет за чертой бедности и полностью зависит от денежных переводов от мигрантов. Расходы на здоровье и образование составляют 8—9% ВВП, однако надо помнить, что реальный ВВП еще не достиг уровня 1991 года.

Существующая система социальной защиты находится в упадке. За 2004 год население Молдовы уменьшилось на 220 тыс. чел. Коэффициент старения (число людей в возрасте более 60 лет на каждые 100 жителей) в 2003 году составлял 13,9, по сравнению с 12,6 в 1989 г. Уровень рождаемости в 2004 году незначительно понизился, а уровень смертности — вырос. Одним из основных провалов переходного периода в Молдове стала неспособность властей предотвратить распространение бедности путем соответствующего корректирования экономического развития и эффективной системы распределения материальных благ. В то же время деловой климат не способствует ни инвестициям, которые могли бы создать рабочие места, ни уменьшению бедности как таковой. Из-за таких недостатков административной системы, как безответственность, коррупция и отсутствие прозрачности, общество остается в стороне от экономических процессов, что заметно вредит эффективности и результативности проводимой правительством политики.

Молдове необходима экономическая стабильность и рост, а также структурные изменения, которые обеспечили бы конкурентоспособность ее товаров на иностранных рынках, способствовали бы освоению новых рынков и стимулировали бы экспорт товаров с высокой добавленной стоимостью и высокотехнологичной продукции. Структура и динамика молдовского экспорта показывает, что наша страна только учится делать первые осторожные шаги в сторону интеграции в мировые рынки, а ее экономика не является предпочтительным объектом для иностранных инвестиций. Эффективность работы административных структур, улучшившаяся в последние годы, нуждается в дальнейшем укреплении и расширении, включая сельскохозяйственный сектор, транспортные услуги, восстановление разрушенной инфраструктуры и создание новой и т. д. По-прежнему существует вероятность того, что многие западные

компании будут перемещать свою деятельность из стран-членов ЕС дальше на Восток. Однако чтобы сохранить хоть какую-то привлекательность для инвестиций, Молдове необходимо создать простую, прозрачную, предсказуемую и свободную от коррупции систему деловых отношений, а также современную систему образования, оперативно реагирующую на требования рынка (последнее в особенности касается профессиональных и профессионально-технических составляющих).

Не менее важным является и понимание того, что конкурентоспособность Молдовы может расти только при условии поднятия эффективности администрирования, улучшения деловой атмосферы и акцентирования внимания на стратегических секторах экономики. В то же время очевидно, что политические реформы в Молдове должны проводиться даже в более быстром темпе, чем экономические — в первую очередь потому, что всеобщее процветание трудно представить без улучшения административной системы как на местном, так и на национальном уровне. Для этого необходим пакет безотлагательных, последовательных и быстро развивающихся внутренних реформ с основным упором на следующие направления: обеспечение правовой независимости, реформирование центрального правительства, а также эффективную и убедительную стратегию децентрализации, которая заложила бы основы для того, чтобы в долгосрочной перспективе сделать власть более прозрачной, ответственной и европейской. Все эти реформы вписываются в программу модернизации государства, провозглашенную нашей страной, вместе с выполнением обязательств перед Советом Европы и воплощением в жизнь плана действий ЕС-Молдова в соответствии с нашими идеями и взглядами. Дополнительные усилия будут приложены к децентрализации финансовой системы, что позволит высвободить необходимые ресурсы и укрепит демократию на самом базовом уровне.

Разрешение конфликта: приднестровский тупик

Общепризнано, что территориальный конфликт в Молдове не соответствует критериям «этнического» [9], и даже самые упорные сторонники подобной точки зрения вынуждены признать, что он скорее является проявлением «политизированного регионализма» [10]. Похоже, что его вялотекущий, малопонятный характер послужил основой для утверждений некоторых известных экспертов о том, что «данный конфликт — наиболее легко разрешаемый на всем постсоветском пространстве». Самоопределение населения также не имеет никакого отношения к сути конфликта — жители Приднестровья ничем принципиально не отличаются от жителей остальной части Молдовы.

Согласно статистике в столице Молдовы Кишиневе проживает больше этнических русских, чем во всем Приднестровье. То же самое касается и украинцев, большинство из которых живет на правом берегу Днестра. Даже сам термин «Приднестровье»

9. Доклад № 13 Миссии СБСЕ в Молдове (13 ноября 1993 г.)

10. Пал Колсто и Андрей Мальгин, Национальные газеты, том 26, № 1, 1998. «Приднестровская республика: случай политизированного регионализма», стр. 103—127.

является неточным, так как конфликт происходит по обе стороны Днестра: на правом берегу один город — Бендеры — с 80 тысячами жителей находится под фактическим контролем Тирасполя, в то время как 8 поселков на левом берегу с почти таким же общим населением контролируются властями Молдовы. Тем не менее, конфликт носит все признаки крупной военной операции: в распоряжении непризнанной Республики Приднестровье находятся более 17 тысяч военнослужащих, 60 танков, самолеты, 15 вертолетов, мобильные реактивные установки и впечатляющий арсенал прочего вооружения — как старого, так и современного образца. В тылу сепаратистов расположена демилитаризованная зона, которая теоретически находится под контролем совместной комиссии, а фактически превратилась в район тесного сотрудничества между российскими миротворцами и повстанцами.

Очевидно, что Приднестровский конфликт не является внутренним, касается не только Молдовы и, следовательно, не может считаться «конфликтом между элитами» в чистом виде. Аналитики утверждают, что он затрагивает намного более широкие вопросы безопасности и порядка, который будет установлен на будущей восточной границе расширенного ЕС [11]. Будет ли это порядок построен на основе западных правил и ценностей, или он будет Российского образца — некоторое подобие Калининграда-2, с официальной миротворческой ролью Москвы и ее военным присутствием? [12] Ситуация несет в себе огромный потенциальный риск для структуры региональной безопасности, ибо она может оказать значительное влияние на политическую ситуацию и стабильность на границе расширенного Евросоюза. Более того, переговоры о разрешении конфликта, которые велись в последние годы, были практически безрезультатными.

После того, как в ноябре 2003 года молдовский Президент отказался подписать предложенный Москвой план создания «конфедерации Молдовы и Приднестровья», переговоры зашли в тупик. Противоречия между интересами России, Украины и западных институтов (таких, как ЕС и ОБСЕ) еще больше усложнили процесс поиска решения. Молдовская сторона считает, что подписание конфедеративного договора только обострит существующие проблемы и сделает курс на евроинтеграцию практически невозможным. Но по какой причине образование федерации с Приднестровьем должно обязательно нарушить европейские планы Молдовы? Независимые аналитики утверждают, что федерализация станет «переходом от демократического пространства признанного суверенного государства к некоему подобию прототипа «осажденной кре-

11. «Сепаратизм в Молдове: политические и юридические аспекты «замороженного конфликта», 29 сентября 2006 г., Вашингтон.

12. Именно поэтому многие в Молдове считают, что Россия не заслуживает права далее оставаться посредником в процессе урегулирования конфликта, ибо ее действия противоречат интересам молдовского государства. Она также не может участвовать в процессе демократизации Приднестровья, не являясь официально признанным субъектом. В Соглашении о прекращении огня, подписанном 27 июля 1992 года, Россия названа «участником конфликта», и данный ее статус неоднократно упоминается в основных документах, принятых Европейским судом по правам человека (решение ЕСПЧ 2004 года, а также независимый доклад Профессиональной ассоциации нью-йоркских юристов 2006 года).

пости», какой ее видят российские политики». Объединение молдовских структур власти с приднестровскими, в первую очередь, будет означать отмену приоритетов по выполнению европейских планов и директив, содержание российской военной базы около восточных границ ЕС и НАТО, сохранение влияния российских спецслужб в администрации Тирасполя и, возможно, Кишинева (в случае достижения соглашения о разделе власти), а также агрессивную изоляцию демократических сил, которые сегодня являются первой волной европейской стратегии Молдовы. Кроме того, как можно убедить власти Приднестровья изменить нынешнее положение дел в области безопасности? Многие скажут, что это — невозможная задача, ибо данный режим был создан для откола от Молдовы, а не для интеграции с ней.

За последнее десятилетие тираспольский режим стал придатком российских спецслужб и сегодня является «сиамским близнецом» соответствующих структур безопасности в Москве. У него нет никакой обратной связи с местным населением, и, соответственно, говорить о каком-либо разделении власти бессмысленно. Для Кишинева разрешение конфликта состоит не только в физическом удержании или интеграции потерянной территории к востоку от Днестра — на кону стоит демократическая целостность политической системы Молдовы. Жители региона не имеют возможности выбирать своих лидеров демократическим путем и также не могут свободно участвовать в выборах в Молдове. Время от времени под патронажем российских спецслужб проводится имитация выборов, но эти мероприятия никогда не были признаны волеизъявлением населения. Хотя ПМР располагает большой и сложной квази-государственной машиной (с собственной законодательной, исполнительной и судебной властью), ни одна страна официально не поддерживает Тирасполь (если не считать взаимного признания сепаратистских республик Приднестровья, Абхазии и Южной Осетии). Различные президентские и парламентские выборы, проводившиеся с 1992 года, не были расценены международным сообществом ни как открытые, ни как честные, хотя мониторинг выборов не проводился. Кандидаты, имевшие реальные шансы составить конкуренцию Смирнову в 1996 и 2001 годах, не были допущены к участию в выборах. Будучи слишком слабой, чтобы получить международное признание, Приднестровская республика не была официально признана ни одним независимым государством.

Контрабандная торговля и коррупция являются основным аргументом в пользу самостоятельного существования Приднестровья. Правительство Молдовы утверждает, что нелегальная торговля оружием превратилась в установившуюся практику, хотя этот факт трудно доказать, ибо молдавские власти не могут ни полностью контролировать границу с Украиной, ни изолировать военный аэропорт в Тирасполе, через который сепаратистский режим продолжает отправлять военную продукцию. Существует мнение, что криминальные элементы, имеющие связи с властями, действуют полностью безнаказанно. Средствам массовой информации приходится работать в условиях множества ограничений, хотя немногие независимые СМИ все же не подвергаются открытому давлению. Единственная компания практически монополизировала частное вещание (с единственным каналом), кабельное телевидение и доступ к Интернету.

Несмотря на то, что 5 тысяч учеников в Приднестровье изучают молдавский язык,

используя латинский алфавит, официально подобная практика запрещена. В 2004 году власти прибегли к помощи военизированных формирований, чтобы закрыть восемь школ, не получивших лицензии и не принявших официальную программу. Родители и учителя, пытавшиеся сопротивляться действиям властей, были насильно выдворены из школ; некоторым из них открыто угрожали. Считается, что камнем преткновения в данном случае является не язык как таковой, а политика преподавания на официальном языке Молдовы (т. е. молдавском или румынском), а не на русском. Постоянное преследование тех, кто решил учить своих учеников на румынском языке, подверглось резкой критике со стороны представителей Совета Европы, ЕС и США, хотя это не привело к удовлетворительному разрешению ситуации.

Министерство государственной безопасности проводит регулярные «чистки» региона в советском стиле, вынуждая покинуть Приднестровье тех, кто был заподозрен в «подрывной деятельности»; население при этом подвергается угрозам и насилию. Подлинная демократия до сих пор является недостающим звеном для разрешения конфликта. Свобода общественных объединений также ограничена. Проведение любых негосударственных мероприятий координируется с местными властями — а те, кто этого не делает, подвергаются давлению, в том числе и в виде визитов со стороны службы безопасности. Профсоюзы являются атавизмом, оставшимся со времен СССР, а Объединенный совет трудовых коллективов тесно сотрудничает с правительством. Судебная власть подчинена исполнительной и занимается претворением в жизнь политики властей. Подсудимым не обеспечивается справедливое рассмотрение дел, а законодательство далеко от международных стандартов. Аресты и длительные задержания на политической почве являются обычной практикой. Правозащитные организации располагают информацией о пытках, применяемых к задержанным. Также имеются сведения о политических убийствах и преследованиях со стороны полиции, а политическим заключенным часто отказывают в доступе к адвокатам.

Гражданское общество Молдовы давно призывает к демократизации Приднестровья [13]. Однако лишь в 2004 году была предложена новая концепция, получившая известность как «Стратегия 3Д». Отдельные важные элементы этой стратегии были включены в международные и внутренние проекты, которые во многом изменили нынешнее лицо конфликта. Парламент Молдовы принял основной закон об особом статусе Приднестровского региона, и сегодня мы видим многие признаки того, что стратегия начинает претворяться в жизнь.

В первую очередь, изменения коснулись властей Молдовы, которые в июле 2005 года приняли пакет законов об особом статусе региона, а также законы о механизмах урегулирования конфликта, в частности — о демократизации и демилитаризации. 22 апреля 2006 года Украина предложила свой План урегулирования конфликта, который сочетал

13. См. «Призыв представителей гражданского общества Молдовы», *Jurnal de Chişinău*, №. 236, 21 ноября 2003 года; «Декларация представителей гражданского общества в Республике Молдова» в ответ на письмо, опубликованное послом США в *The Wall Street Journal* 5 августа, *Jurnal de Chişinău*, №. 192, 15 августа 2003 года.

в себе некоторые важные положения концепции «демилитаризации и демократизации» (так называемый «подход из 7 пунктов»). Осенью 2005 года в Молдове начал работу особый дипломатический представитель ЕС, а в марте 2006 года была открыта Миссия ЕС по мониторингу границ (EUBAM), целью которой является надзор за выполнением молдово-украинского соглашения о пограничном контроле.

В сентябре 2005 года Соединенные Штаты Америки и Европейский Союз были приглашены на переговоры в качестве наблюдателей. Давнее присутствие в Приднестровье более 1000 российских военнослужащих и запасов российского вооружения еще более усложнило проблему. В 1999 году Россия согласилась с инициативой ОБСЕ о выводе всех российских войск и вооружений к декабрю 2002 года. Однако, незадолго до наступления окончательного срока вывода, Россия отказалась от своих обязательств, заявив, что ее войска являются «гарантами» дипломатического урегулирования конфликта. Президент и Парламент Молдовы призвали вывести войска, однако, вместо выполнения своих обещаний, Россия усилила экономическое давление на Молдову.

Учитывая уроки прошедшего десятилетия, становится очевидным, что необходимо отказаться от устаревших документов и форматов переговоров и начать поиск новых, демократических механизмов. Необходимым условием для любой стратегии урегулирования конфликта является фундаментальная смена режима в Тирасполе — не перестановка должностей, а изменение самих структур, притом не только местных. Все, что предлагалось за десятилетие безрезультатных переговоров, было, по сути, палеативом все тех же самых результатов совместного действия российских спецслужб, военных подразделений, ментальных проекций *homo sovieticus* и слабости молдавской государственности. Часть вины лежит и на самой Молдове, ибо она не выделила достаточных финансовых ресурсов и не приложила достаточно усилий; но процесс урегулирования также задерживается и из-за очень ограниченного участия международного сообщества, которое реагировало намного быстрее в других аналогичных ситуациях. В Приднестровье отсутствует ряд принципиально важных институтов, что до недавнего времени делало невозможным любой вариант разрешения конфликта без ликвидации наиболее репрессивных структур советского образца (местного КГБ, а также нелегального бизнеса, играющих отведенную им роль в российских имперских планах относительно Восточной и Центральной Европы).

Новые границы надежды?

Молдове точно так же необходимо перестроится по западному образцу и полноценно интегрироваться в евроатлантические структуры, как Евросоюзу — обеспечить безопасность своего непосредственного окружения. Сегодня мы живем в совершенно другом мире, чем в минувшем десятилетии, когда развалился СССР. География значительно изменилась, а глобальные политические игроки скорректировали свои интересы в регионе Юго-Восточной Европы, к которому принадлежит и Молдова.

В 2004 году НАТО стало непосредственным соседом Молдовы благодаря вступлению Румынии в ряды организации; а уже с 1 января 2007 года Румыния станет пол-

ноправным членом ЕС. В последние годы обе эти организации неоднократно заявляли, что дела Молдовы более не являются исключительной сферой интересов России. В то же время Молдова однозначно стоит на пути к европеизации и модернизации. Она стала единственным постсоветским государством, присоединившимся к Пакту о стабильности, а также участвующим в Юго-Восточном процессе сотрудничества в качестве полноправного члена. Сейчас Молдова осуществляет первый принятый План действий по сотрудничеству с ЕС и рассчитывает по итогам выполнения плана получить в 2008 году статус кандидата на членство в ЕС подобно Западно-Балканским странам, уже имеющим этот статус.

Многие в Молдове уже поняли, что достичь нового статуса будет нелегко. Также не стоит ожидать и того, что прогресс Молдовы получит позитивную оценку ЕС без последовательно проводимой политики со стороны Кишинева — а такая политика может основываться только на идеях, глубоко проникших в умы людей. Будучи небольшой, полностью окруженной сушей, проницаемой и многокультурной страной, Молдова имеет огромный потенциал для быстрого восстановления экономики, равно как и для создания подлинно демократичного общества со всеми необходимыми институтами. Но для ускорения этого процесса сначала необходимо провести модернизацию государства, и ответственность за это должны взять на себя новые люди.

Игорь Мунтеану

Про автора:
Игорь Мунтеану — исполнительный директор Института развития и социальных инициатив (ИРСИ) «Виторул»

Конфликт в Приднестровском регионе на востоке Молдовы: как найти выход?

Общая информация о сепаратистском регионе

Будучи известным под названием Приднестровской Молдавской Республики (ПМР) или Приднестровья, этот отделившийся от Молдовы регион представляет собой узкую полосу земли (180 на 32 км), расположенную между восточным берегом реки Днестр и молдово-украинской границей, на небольшом участке территории, которая в период между 1924 и 1940 годами принадлежала Молдавской Автономной Советской Социалистической Республике в Украине (в составе СССР). Приднестровье было провозглашено «независимым» 2 сентября 1990 года в Тирасполе, однако не было признано международным сообществом. В состав сепаратистской республики входят пять районов, организованных по советскому образцу — Каменка, Дубэссары, Григориополь, Рыбница и Слободзея, с общим населением около 555 500 чел. (по данным 2004 года). Под контролем Тираспольских властей находится вся территория Молдовы к востоку от Днестра, за исключением восьми поселков (Моловата Ноуэ, Кочиерь, Кошница, Дороцкайя, Пырыта, Погребея, Василевка и Коржова). На западном берегу реки самопровозглашенная ПМР контролирует город Тигина (также известный как Бендеры) вместе с несколькими пригородными поселками [1].

При рассмотрении ситуации в данном сепаратистском регионе нижеприведенные условия [2] отсутствуют. Контроль за политикой исполнительной власти практически не осуществляется избранными органами , следовательно, на территории, контролируемой Тирасполем, отсутствует принцип «сдерживания и противовеса». Международные организации и западные демократические страны не считают местные выборы, проводимые приднестровскими властями, свободными и честными. Официальные лица не избираются и не освобождаются от должности путем регулярных и честных выборов; наоборот, принуждение является распространенной практикой, а самозванный президент сепаратистского региона Игорь Смирнов находится на посту с 1991 года. Более того, тем, кто не поддерживает сепаратистскую политику Тирасполя, отказывается в праве претендовать на государственные должности. Свобода слова подвергается ограничениям. Власти Тирасполя проводят агрессивную политику языковых чисток [3], в основном направленную против населения молдавского происхождения, а также против этнических украинцев. Источники информации,

1. Д-р Андрей Брезиану и Влад Спыну, «Исторический словарь Молдовы», Scarecrow Press, Мэриленд, США и Лондон, 2007 г.
2. Роберт Даль. «Демократия и те, кто ее критикует», Yale University Press, Нью-Хейвен, l989 г.
3. «Языковые чистки в Приднестровье», пресс-релиз ОБСЕ, 15 июля 2004 г.

альтернативной той, что распространяется Россией и Тирасполем, не существуют, запрещаются или блокируются. Местные общественные организации притесняются и/или контролируются тираспольскими спецслужбами [4]. Из вышеприведенного видно, что власти Тирасполя установили авторитарный, антиреформаторский, репрессивный режим левой ориентации, построенный по образу и подобию советского государственного строя.

Восточный берег Днестра населен теми же этническими группами, что и вся территория Молдовы, однако в других пропорциях: если верить переписи населения, проведенной ПМР, суммарное число жителей русского и украинского происхождения на ее территории превосходит число этнических молдаван [5]. Такая ситуация создалась в результате русификации и наплыва мигрантов из других частей СССР, приехавших работать на военных заводах и других объектах тяжелой промышленности восточной части Молдовы после Второй мировой войны. Несмотря на то, что молдаване, говорящие на румынском языке, составляют большинство населения, только в 88 школах преподавание осуществляется на румынском языке, причем с использованием навязанного кириллического алфавита. Лишь восемь школ используют латинский алфавит — и даже это стало возможным только благодаря вмешательству международных организаций и правительств других стран. Таким образом, суть конфликта — не в противостоянии жителей разных берегов Днестра. Люди свободно пересекают реку в обоих направлениях, занимаются бизнесом, тысячи студентов с восточного берега учатся в университетах на западном берегу.

Ключевым фактором, приводящим к тупиковой ситуации, является прямая политическая, финансовая и военная поддержка со стороны России [6], направленная на выполнение Приднестровьем ряда ролей в регионе. Москва считает тираспольский анклав стратегической базой в непосредственной близости от НАТО и нестабильного балканского региона; это единственное место постоянной дислокации российских

4. В 2005—2006 годах Россия совместно с Тираспольским режимом приложили немало усилий, чтобы создать в восточных регионах Молдовы видимость «демократического» гражданского общества, которое поддерживает идею отделения от Молдовы и присоединения к России. «Российские организации в Приднестровье организовывают кампанию с целью создания второго Калининграда». Владимир Сокор, The Eurasia Daily Monitor. 11 августа 2006 г.

5. Согласно данным переписи населения, организованной властями Тирасполя в 2004 году, этнические украинцы составляют 28,8% населения Приднестровья (небольшое увеличение по сравнению с 28% в 1989), русские — 38,3% (в 1989 их число составляло 24%), а молдаване — 31,9% (падение с отметки 40% в 1989). Таким образом, если верить результатам переписи, увеличение числа этнических русских произошло за счет молдаван, вынужденных покинуть регион из-за дискриминационной политики.

6. В 2004 при рассмотрении дела «Илашку и другие против России и Молдовы», Европейский суд по правам человека в Страсбурге пришел к выводу, что российская 14-я армия и другие представители российских властей способствовали созданию, а также продолжающемуся существованию Приднестровской Молдавской Республики. Аналогичные выводы были сделаны членами Нью-йоркской профессиональной ассоциации юристов при рассмотрении приднестровского конфликта. Соответственно, можно заключить, что действия России в Молдове являются нарушением международного законодательства: «Как растопить замороженный конфликт: юридические аспекты сепаратистского кризиса в Молдове». Профессиональная ассоциация юристов Нью-Йорка, май 2006 года.

войск за пределами РФ в Европе. Кроме того, Приднестровье является перевалочным пунктом для торговли оружием (и прочей криминальной деятельности), осуществляющейся между непризнанной республикой и другими «горячими точками», в том числе на Балканах, Ближнем Востоке и Кавказе. Поддержка со стороны России играет параллельную роль — она делает регион источником постоянной нестабильности, давая, таким образом, России повод вмешиваться путем «посредничества» в дела Молдовы, которую Кремль считает своим «задним двором». По тем же причинам, Тираспольский режим играет роль раздражителя и рычага влияния на Украину, являясь нестабильным и опасным «новым Калининградом». Еще одним важным элементом, позволившим Тирасполю много лет удерживать *status quo*, является украинский фактор: нелегальная торговля, осуществляющаяся через границу с Украиной, позволяет сепаратистскому государству выживать и является выгодной для некоторых украинских бизнес-групп. Многие эксперты также обвиняют Кишинев (или, по крайней мере, те правительства, что находились у власти в 90-х годах) в потворстве контрабанде между Молдовой и Приднестровьем в обмен на взятки.

История конфликта и его текущее состояние

В 1991 и начале 1992 года произошла серия мелких столкновений. Их кульминацией стал короткий, но бурный вооруженный конфликт, в котором 14-я армия России встала на сторону провозглашенного в Тирасполе местного правительства. В июле 1992 года в рамках двустороннего соглашения о прекращении огня между Российской Федерацией и Республикой Молдова [7] при содействии Президента Молдовы Мирчи Снегура и Президента России Бориса Ельцина были созданы трехсторонние миротворческие силы, в состав которых вошли российские, молдавские и приднестровские подразделения [8]. Эти силы дислоцированы в зоне безопасности — буферной зоне вдоль реки Днестр, которая разделяет Республику Молдова и территорию, контролируемую сепаратистским режимом Тирасполя (за исключением некоторых изолированных участков). К осени 1994 года контингент России в составе трехсторонних миротворческих сил составлял 650 человек [9]. В дополнение к этому, 3 августа 1992 года была создана группа из 30 военных наблюдателей (по десять от каждой стороны,

7. Соглашение о «Принципах мирного разрешения вооруженного конфликта в Приднестровском регионе Молдовы», подписанное 21 июля 1992 года.
8. Вначале Россия и Молдова планировали сформировать миротворческие силы из белорусских, украинских, российских и молдовских подразделений. Однако эти планы не удалось осуществить из-за отказа Беларуси и Украины участвовать в проекте. Новое предложение России предусматривало вхождение «заинтересованных» сторон в состав миротворческих сил (5 российских, 3 молдавских и 2 приднестровских батальона).
9. Михаил Ермолаев. «Международная миротворческая деятельность России и разрешение конфликтов на постсоветской территории». Центр исследований вопросов международной безопасности и разрешения конфликтов (ЦИВМБРК). Москва, Россия. Опубликовано в Монографии № 44: Границы операций по поддержанию мира, февраль 2000 г.

участвующей в конфликте — России, Молдовы и сепаратистского Приднестровского региона). В ноябре 1998 года к группе присоединились 10 украинских наблюдателей [10]. Российский формат поддержания мира отличается от принятого в ООН (т. е. международного). Мало того, что у миротворческих сил отсутствует мандат международной организации, но еще и ни одна из трех сторон-миротворцев не может считаться беспристрастной, ибо все они участвовали в конфликте. В действительности, положение дел в Молдове отображает стремление России контролировать страны бывшего Советского Союза, прикрываясь фальшивым лозунгом «особой роли» и «ответственности за поддержание стабильности» на той или иной территории [11].

Текущая структура миротворческой деятельности российского образца в Молдове является неэффективной. Вместе с российской 14-й армией она представляет собой щит, под прикрытием которого лидеры самопровозглашенной Приднестровской Молдавской Республики укрепляют свой авторитарный режим, позволяющий им сохранять *status quo*. Более того, огромные запасы боеприпасов, хранящиеся на территории Приднестровского региона Молдовы, являются реальной угрозой для безопасности и стабильности всего региона. Вывод российских войск из контролируемых Тирасполем районов Молдовы является международным обязательством, взятым на себя Россией на саммите ОБСЕ в 1999 году в рамках Договора об обычных вооружениях в Европе. Кроме того, российское военное присутствие в регионе при отсутствии миротворческого мандата является нарушением принятых во всем мире принципов миротворческой деятельности, а также Конституции Молдовы.

В 1997 году непризнанная Приднестровская Республика подала заявку на членство в Парламентской ассамблее Содружества Независимых Государств (СНГ), а позднее — на полноценную интеграцию в политические и военные структуры СНГ. В апреле-июне 1998 года был проведен необязательный референдум по вопросу присоединения ПМР к союзу России и Беларуси; более 66% проголосовавших поддержали вступление в этот союз. Однако, так же как и Калининградская область, расположенная около Балтийского моря и отделенная от России Литвой и Польшей, сепаратистский регион на восточном берегу Днестра не имеет общих границ ни с Беларусью, ни с Российской Федерацией. А 17 сентября 2006 года тираспольские власти организовали еще один референдум, на котором отделение от Молдовы с конечной целью присоединения к России было одобрено в лучших советских традициях — «за» проголосовали 97%. Референдум был расценен как недемократический и недействительный и не был признан ни одним государством или международной организацией.

Одной из попыток урегулировать конфликт в Приднестровье стало подписание 8 мая

10. Михай Грибинчеа. «Российская политика в отношении военных баз: Грузия и Молдова». 2001 г. Стр. 198—217.

11. Майор Раймонд С. Финч, III. «Странный пример российских миротворческих операций в ближнем зарубежье в 1992—1994 гг.». Департамент международных военных исследований армии США, Форт-Ливенворт, Канзас. Июль 1996 г.

1997 года в Москве Меморандума о «Нормализации отношений между Республикой Молдова и Приднестровской Молдавской Республикой», автором которого был министр иностранных дел России Евгений Примаков. Меморандум ввел концепцию «общего государства» в качестве отправной точки для разрешения конфликта. Начатые на основе Меморандума Примакова переговоры оказались непродуктивными из-за расхождений между сторонами, касающихся интерпретации и определения юридического значения термина «общее государство». Эти расхождения завели переговоры в тупик, и в 2001 году Республика Молдова вышла из переговорного процесса, чтобы вернуться в него в 2002-м, когда появился новый шанс урегулирования конфликта на условиях федерализации, предложенной в рамках так называемого «Киевского документа». В этом документе обуславливалось, что федеральная структура станет основой для разрешения приднестровского конфликта. Международные гарантии и участие России и Украины в качестве ключевых «игроков» должны были обеспечить оптимальный ход процесса.

16 ноября 2003 года появился «Меморандум о базовых принципах построения государственных структур объединенного государства», ставший известным как «Меморандум Козака». В нем излагались еще более убедительные аргументы в пользу федерализации Молдовы. Кроме того, одним из его условий было согласие Молдовы на существование российской военной базы на ее территории в течение 20 лет. Резкая негативная реакция международного сообщества и растущие волнения в молдавском гражданском обществе и среди оппозиции заставили Президента Владимира Воронина отказаться от намерения подписать Меморандум.

В 2004 году гражданское общество Молдовы предложило альтернативу федерализации — Стратегию 3-Д: Демилитаризацию, Декриминализацию и Демократизацию [12]. Этот документ получил всеобщее одобрение в Молдове и был представлен Фондом Молдовы на конференциях в США (Вашингтон, ноябрь 2004) и Европейском Союзе (Брюссель, февраль 2005). Стратегия 3-Д предлагала расширить существующий пятисторонний формат урегулирования конфликта «3 плюс 2» (Россия, Украина и ОБСЕ плюс Молдова и ПМР), превратив его в новый — «3 плюс 1 плюс 3» (Россия, Украина, Румыния, плюс Молдова, плюс ОБСЕ, США и Европейский Союз), исключив таким образом Тирасполь и включив Запад. Стратегия также предлагала заключить коллективное международное соглашение об урегулировании, учредить наблюдательный орган, а также международную гражданскую временную администрацию, функцией которой будет претворение в жизнь плана действий и пост-конфликтных стратегий. Для районов Республики Молдова, расположенных на восточном берегу Днестра, не предусматривался какой-либо общий особый статус; исключение было сделано только для городской агломерации Тирасполя. Изложенные в стратегии 3-Д принципы были использованы парламентом Молдовы в трех резолюциях по приднестровскому конфликту,

12. Стратегия 3-Д и План действий по урегулированию приднестровского конфликта. http://foundation.moldova.org/pagini/eng/125

принятых 10 июня 2005 года [13]. Закон об основных положениях особого юридического статуса территорий на восточном берегу реки Днестр (принятый 22 июля 2005 года) также соответствовал принципам стратегии 3-Д.

Многообещающие изменения начались в 2005 году благодаря участию Запада в разрешении проблем безопасности, связанных с существованием тираспольского режима. В октябре Соединенные Штаты и Европейский Союз (ЕС) стали наблюдателями в переговорах, которые до того времени без особого успеха велись с участием России, Украины, ОБСЕ, Молдовы и приднестровских властей. Таким образом, был сформирован новый формат «пять плюс два». В декабре 2005 года начала работу Миссия ЕС по пограничной помощи на украино-молдовской границе. Ее целью стала борьба с нелегальной торговлей оружием, наркотиками и людьми, а также с обычной коммерческой контрабандой, для которой непризнанная республика является одновременно и источником, и транзитным маршрутом.

«Размораживание» конфликта

Для того, чтобы «разморозить» приднестровский конфликт и предотвратить опасность превращения сепаратистской территории Молдовы в подобие Калининграда-2, контролируемое Россией и расположенное в западном «тылу» Украины, необходимо устранить определенные препятствия и создать соответствующий климат для изменений. Для экспертов, внимательно следящих за развитием процесса урегулирования приднестровского конфликта, является очевидным, что тираспольский режим не заинтересован и не собирается изменять *status quo*, что блокирует перспективу разрешения конфликта. Кроме геостратегических интересов хозяев режима в Кремле (и по всей России), существуют еще и собственные финансовые интересы старой и новой элиты Тирасполя, для которой Приднестровье превратилось в «золотую жилу».

Еще одним препятствием на пути урегулирования конфликта является нынешний формат миротворческой деятельности. Трансформация миротворческих сил, состоящих на сегодня в основном из российских подразделений, в многонациональный формат способна сыграть заметную роль в разрешении конфликта таким путем, чтобы районы Молдовы, расположенные на восточном берегу Днестра, объединились с остальной территорией страны, а в регион пришла стабильность и перспективы развития.

Вместе с интернационализацией миротворческих сил в приднестровских районах Молдовы создание нового демократического климата в восточном регионе Молдовы должно также внести позитивный вклад в разрешение конфликта. Демократизация общества на восточном берегу Днестра ослабит тоталитарный тираспольский режим и,

13. Декларация об инициативе Украины в отношении урегулирования приднестровского конфликта (новый подход к урегулированию конфликта путем демократизации); Призыв о критериях демократизации Приднестровского региона (проведение свободных и демократических выборов в соответствии с международными стандартами, политический плюрализм и свобода слова); Призыв о принципах и условиях демилитаризации Приднестровского региона (вывод российских войск, разоружение и демобилизация приднестровских военных подразделений).

в конце концов, ликвидирует его демократическим путем, как это произошло во всех коммунистических странах Европы в конце 1980-х — начале 1990-х годов. Кроме того, демократизация является наиболее эффективным способом борьбы с нелегальной торговлей и первопричинами экономических преступлений, которые угрожают безопасности черноморского региона, в том числе стран, непосредственно граничащих с Молдовой — Украины и Румынии.

Результатом демократизации региона должно стать обеспечение свободного потока информации и свободы слова, а также введение международных стандартов прав человека и установление верховенства права. Свободные и честные выборы на контролируемой Тирасполем территории возможны только при выполнении этих условий, а также выводе Российских войск и вооружений (служащих, как указывалось выше, психологическим и военным прикрытием для тираспольского режима) в соответствии с ранее взятыми на себя Россией международными обязательствами [14], а также неоднократными требованиями Молдовского правительства, западных стран и международных организаций.

Если Россия сыграет позитивную роль и пойдет на сотрудничество с Европейским Союзом и Соединенными Штатами в урегулировании приднестровского конфликта, Молдова может стать первым примером положительного разрешения «замороженных» конфликтов на постсоветском пространстве. В объединенной, стабильной, предсказуемой и демократичной Молдове заинтересованы все вовлеченные в конфликт стороны, включая Россию, Украину и Запад. Но самое главное — в ней заинтересовано население Молдовы, живущее по обе стороны Днестра.

Влад Спыну

Про автора:
Влад Спыну — президент Фонда Молдовы, США.

14. Саммит ОБСЕ в 1999 году в Стамбуле

Отношения Молдовы с Россией, Украиной и Румынией

Отношения с Россией, Украиной и Румынией имеют особое значение для Республики Молдова. Все эти страны входят в число основных внешнеэкономических партнеров Республики Молдова, у них общее историческое прошлое с Республикой Молдова, а две из них — Румыния и Украина — единственные соседи Республики Молдова. Отношения с Россией, Украиной и Румынией в большой степени влияют на положение дел в Республике Молдова и на ее внешние связи.

Отношения с Россией

На сегодняшний день у Республики Молдова и России подписан 161 двусторонний документ [1] помимо документов, подписанных по линии Содружества Независимых Государств, членами которого являются оба государства. Хотя дипломатические отношения между двумя странами были установлены в период, непосредственно последовавший за распадом Советского Союза, Договор о дружбе и сотрудничестве между Республикой Молдова и Россией был подписан (в Москве) только 19.11.2001 г. Он был ратифицирован Законом Парламента Республики Молдова № 760-XV от 27.12.2001 г. и вступил в силу 13.05.2002 [2]. Этот политический документ является основой отношений между двумя странами.

В период независимости Республики Молдова (с 1991 года по нынешний день) Россия была основным внешнеэкономическим партнером Республики Молдова. В 2005 году экспорт молдавских товаров в Россию составил 347,5 млн. долларов или 98,4% по сравнению с уровнем 2004 года. В 2005 году, как и в предыдущие годы, Россия сохранила лидирующую позицию по экспорту из Республики Молдова.

По импорту в Молдову Россия в 2005 году занимала второе место с объемом поставок в 273,6 млн. долларов, что составило 128,9% по сравнению с уровнем 2004 года [3].

В январе-сентябре 2006 года Россия также занимала первое место по объему молдавского экспорта, стоимость поставок в эту страну оценивается в 124,3 млн. млн. долларов, что составляет, однако, только 54,4% по сравнению с аналогичным периодом 2005 года. По импорту в Республику Молдова Россия заняла второе место с объемом поставок в 273,1 млн. долларов, в 1,5 раза выше чем в соответствующий период 2005 года [4].

Молдо-российские отношения пережили период быстрого развития после распада Советского Союза и характеризовались относительной стабильностью до 2003

1. www.mfa.md.
2. www.mfa.md.
3. www.mfa.md.
4. Национальное бюро статистики Республики Молдова.

года. С 2001 года, когда к власти в Республике Молдова пришла Партия Коммунистов, наблюдалось даже оживление этих отношений. Именно в первый год правления Партии Коммунистов был подписан и Договор о дружбе и сотрудничестве между двумя странами. Россия выполняет свою роль главного внешнего стратегического партнера Республики Молдова и посредника в процессе урегулирования проблемы Приднестровья (сепаратистский регион, расположенный на востоке Республики Молдова, в котором в 1991—1992 гг. произошел вооруженный конфликт).

В 2003 году произошел ряд событий, которые вскоре сделали отношения между Республикой Молдова и Россией достаточно напряженными. В июле 2003 года Европейский суд по правам человека вынес приговор по делу членов группы Илашку, политических узников приднестровского сепаратистского режима. Решение ЕСПЧ напрямую касалось политики России по отношению к Приднестровью, она была признана страной, способствовавшей возникновению сепаратистского режима на востоке Республики Молдова и его сохранению на протяжении этих лет. После решения ЕСПЧ и накануне саммита ОБСЕ в Маастрихте (Голландия) (на котором должно обсуждаться, в том числе, и выполнение Россией решения ОБСЕ, принятого на Стамбульском саммите в 1999 году), наблюдается активизация молдо-российских отношений. Это оживление приводит к появлению в ноябре 2003 года Меморандума по разрешению приднестровского конфликта путем федерализации Республики Молдова (Меморандум Козака). Данный Меморандум предполагал наличие трех равноправных субъектов федерации: Приднестровье, Гагаузия (автономная область на юге Республики Молдова) и остальная часть страны.

Кишиневские политические обозреватели в то время писали, что России необходимо подписание соответствующего меморандума накануне саммита в Маастрихте, чтобы доказать ОБСЕ, что Москва предпринимает усилия по выполнению ранее взятых ею международных обязательств. В то время в печати высказывалась и мысль, что Меморандум Козака должен был стать бомбой замедленного действия для государственности Республики Молдова. В соответствии с документом, Приднестровье должно было получить столь широкие полномочия, что Республика Молдова не могла бы принять ни одного важного для своей внешней политики решения без согласия Тирасполя.

Молдо-российские отношения заметно ухудшились после отказа Президента Республики Молдова Владимира Воронина от подписания соответствующего Меморандума по причине наличия в нем целого ряда положений, требующих дополнительного обсуждения и уточнения.

2004 год был отмечен резкими высказываниями, которыми обменялись стороны. В тот период Республика Молдова предприняла ряд демаршей на международной арене, потребовав от России выполнения своих международных обязательств по выводу войск и вооружений из Приднестровья. После парламентских выборов в Республике Молдова, состоявшихся в марте 2005 года и вновь выигранных Партией Коммунистов, молдо-российские отношения стали еще хуже. Они сохраняли напряженность на всем протяжении 2005 года, а к 2006 году стали отрицательно сказываться даже на экономическом сотрудничестве двух стран.

В 2005 году Россия прекращает импорт растениеводческой и мясной продукции из Республики Молдова. В 2006 году следует запрет на импорт молдавских вин, поставивший экономику Республики Молдова в достаточно щекотливое положение. Таким образом, только за первые шесть месяцев 2006 года молдавский экспорт сокращается на 10,6%, во многом из-за введенного Россией эмбарго [5].

21 апреля 2006 г. Парламент Республики Молдова принимает «Заявление Парламента Республики Молдова по поводу Заявления Государственной Думы Российской Федерации от 19 апреля 2006 года». Этим заявлением «Парламент Республики Молдова выражает свою озабоченность по поводу Заявления Государственной Думы Российской Федерации «О поддержке мер по усилению государственного фито-санитарного контроля продукции, импортируемой в Российскую Федерацию». Вообще-то своим Заявлением Государственная Дума предоставила политическое прикрытие для политики по прекращению импорта молдавских вин. Хотя Парламент Республики Молдова прямо не указал, что в основе прекращения импорта вин лежат политические мотивы, это следовало из Заявления. «В условиях попыток российских властей оспорить качество молдавских вин, они продолжают цениться и признаваться во всем мире», — гласил документ [6].

И президент Владимир Воронин на проведенной 11 июля 2006 года конференции заявил, что исключает политическую сторону винного вопроса. «Трудно усмотреть политическую составляющую и в вопросе экспорта вин, даже если Молдова не получила ни одного официального документа, подтверждающего плохое качество вин», — отметил он [7].

В то же время, молдавские и зарубежные политические обозреватели не исключали того, что речь идет о российской экономической блокаде Молдовы, цель которой — вернуть последнюю в поле влияния Кремля. Но они же отмечали, что эта экономическая блокада не может заставить Молдову вернуться в поле влияния России [8].

После провала Меморандума Козака прекратилось любое движение вперед и в процессе переговоров по урегулированию приднестровской проблемы. Более того, позиции Кишинева и Тирасполя еще больше отдалились после того, как на приднестровском участке молдо-украинской границы стала действовать международная мониторинговая миссия, а любой экспорт из Приднестровья без официальных документов, выданных уполномоченными кишиневскими органами, был прекращен.

Таким образом, к середине 2006 года молдо-российские отношения становятся холодными практически в любой сфере — экономического сотрудничества, разрешения приднестровского вопроса и т. д. У Молдовы и России появляется шанс нормализовать двусторонние отношения в августе 2006 года, когда в Москве состоялась

5. Доклад Премьер-министра Василия Тарлева, представленный Парламенту Республики Молдова 27 июля 2006 г.
6. Цитаты и ссылки на «Заявление Парламента Республики Молдова по поводу Заявления Государственной Думы Российской Федерации от 19 апреля 2006 года» от 21.04.2006.
7. Газета «Flux» от 13 июля 2006 г.
8. Газета «Независимая Молдова» от 25 октября 2006 г.

встреча президентов Владимира Путина и Владимира Воронина. Кишиневские СМИ по-разному оценили эту встречу.

Газета «Timpul» задала себе вопрос «Не капитулировал ли Воронин перед Москвой?». Издание не исключает того, что молдавский президент попытался наладить отношения с Россией, которые значительно ухудшились после того, как в 2003 году Владимир Воронин отказался подписать Меморандум Козака. «Timpul» сослалась на ежедневную газету «Коммерсант Daily», утверждая, что взамен на восстановление этих отношений Молдова может пойти на такие уступки, как: обязательство дать высокую оценку усилиям России по поддержанию мира в регионе; представление дополнительных гарантий своего невступления в НАТО; предоставление более серьезного статуса русскому языку в Молдове; признание прав собственности российских хозяйствующих субъектов в левобережье Днестра [9].

Газета «Независимая Молдова» цитировала президентского советника Марка Ткачука, который утверждал, что «оттепель в молдо-российских отношениях началась». По оценке Марка Ткачука, президенты двух стран провели «очень открытый и позитивный диалог» и не избежали ни одной важной темы — от приднестровской проблематики до газового вопроса. Президентский советник полагает, что встреча положила начало новому этапу диалога двух государств [10].

Газета «Flux» сообщала, что визит Владимира Воронина в Москву «широко комментировался российскими СМИ и был расценен как провальный: Воронин и Путин не пришли ни к какому соглашению ни по одному из ключевых вопросов двусторонних отношений. Встреча проходила в достаточно холодной обстановке, выражение лица у президента Путина было серьезным и даже холодным» [11].

Всего за несколько дней до встречи двух президентов Парламенту Республики Молдова не удалось прийти к общему знаменателю по вопросу выхода Молдовы из СНГ. Вопрос не был вынесен на голосование, поскольку авторы проекта соответствующего постановления — два депутата от оппозиции — отозвали его в последний момент. Виталия Павличенко (один из разработчиков) сказала, что авторы не желают предоставлять коммунистам возможности для достижения ими своих политических интересов и доказательства лояльности Москве голосованием против постановления [12].

Несмотря на состоявшуюся встречу президентов, в дальнейшем не наблюдалось изменения состояния молдо-российских отношений. Продолжился все тот же обмен жесткими высказываниями. Тем более, что тем временем, 17 сентября в Приднестровье состоялся референдум по вопросу будущего региона, на котором население высказалось за его вхождение в состав России.

В начале сентября Россия предприняла новую попытку проведения плана урегулирования приднестровского вопроса. О его существовании сообщил Валерий Кеняйкин,

---

9. Газета «Timpul» от 9 августа 2006 г.
10. Газета «Независимая Молдова» от 9 августа 2006 г.
11. Газета «Flux» от 10 августа 2006 г.
12. Агентство «Инфотаг», 6 июля 2006 г.

Посол по особым поручениям, специальный представитель по связям со странами СНГ российского МИДа. Однако и об этом плане умалчивают и вскоре о нем забывают.

К концу 2006 года молдо-российские отношения продолжают оставаться достаточно холодными, а предпосылок для их улучшения в ближайшем будущем нет. Президент Владимир Воронин заявил 29 июля 2006 года в Парламенте Республики Молдова, что события, которые произошли в 2006 году, — доказательство того, что «независимость Республики Молдова рождается только сейчас» и что «это — цена, которую Модова должна заплатить за независимость» [13]. История покажет, основывалось ли ухудшение молдо-российских отношений с 2003 года до сих пор на объективных факторах. Пока в этой связи больше вопросов, чем ответов.

Отношения с Украиной

Украина лидирует по количеству двусторонних документов, подписанных Республикой Молдова с иностранными государствами. Их число составляет 164 [14]. Среди двусторонних молдо-украинских документов наиболее важными являются: Соглашение между Правительствами Республики Молдова и Украины о свободной торговле, подписанное в Кишиневе 29.08.95 г. (ратифицированное 01.02.96 г. и вступившее в силу 27.05.96 г.); Договор о государственной границе, подписанный в Киеве 18.08.99 г. (ратифицированный Постановлением Правительства Республики Молдова № 1022 от 05.11.99 г. и вступивший в силу 18.11.2001 г.); Заявление Премьер-министров Украины и Республики Молдова от 30 декабря 2005 г.

Украина — один из основных внешнеэкономических партнеров Республики Молдова. В 2005 году она занимала четвертое место в структуре молдавского экспорта с объемом поставок в 99,7 млн. долларов, что составляет 154% по отношению к уровню 2004 года. Украина продолжает оставаться страной, из которой Молдова осуществляет наибольшее количество импортных поставок, — в 2005 году их уровень достиг 491,4 млн. долларов или 112,6% по сравнению с уровнем 2004 года.

В январе-сентябре 2006 г. Украина занимала уже третье место в молдавском экспорте, на ее долю пришлось 87,6 млн. долларов, что составляет 126,9% по сравнению с аналогичным периодом 2005 года. В то же время она сохранила первенство по импорту в Республику Молдова с объемом поставок в 370,2 млн. долларов, то есть 105% по сравнению с уровнем соответствующего периода 2005 года [15].

В целом, после распада Советского Союза молдо-украинские отношения были хорошими. На протяжении этих лет, единственными щекотливыми темами обсуждений для сторон были: признание молдавских объектов собственности, оставшихся на территории Украины после развала СССР; разделение государственной границы; соглашение о свободной торговле и исключение из данного режима некоторых товаров.

---

13. Заявление Президента Владимира Воронина от 29 июля 2006 г.
14. www.mfa.md.
15. Национальное бюро статистики Республики Молдова

Однако и эти вопросы большей частью были решены в период 2001—2003 гг.

Отношения двух стран начинают заметно улучшаться после вступления Виктора Ющенко в должность Президента Украины. Вслед за этим сразу же наблюдается активизация роли Украины в процессе урегулирования приднестровского вопроса, а Виктор Ющенко выдвигает конкретный план урегулирования, получивший название «План Ющенко». Молдова начинает видеть в Украине надежного союзника и рассчитывает на ее поддержку в разрешении приднестровской проблемы. Парламент Республики Молдова дает высокую оценку усилиям Президента Украины и принимает Заявление от 10 июня 2005 г., в котором выступает за решение приднестровского вопроса на основе этого плана [16]. Однако впоследствии, из-за отсутствия переговоров в процессе урегулирования приднестровского конфликта, усилия украинского президента сводятся к нулю.

2005-й год был практически самым «урожайным» для молдо-украинских отношений. Так, 30 декабря 2005 г., премьеры Василе Тарлев и Юрий Еханурoв подписывают в Киеве Заявление, предусматривающее введение совместного контроля на приднестровском участке молдо-украинской границы. На основании данного заявления берутся под строгий контроль импортно-экспортные операции из приднестровского региона, внешнеторговые операции проходят на основании таможенных документов, выданных кишиневскими органами. В последствии, по просьбе президентов двух стран, Европейский Союз учреждает миссию по мониторингу приднестровского участка границы.

Хотя контрабанда из приднестровского региона ощутимо сокращается, Украина несет некоторые финансовые убытки из-за этого совместного контроля, и в печати начинают высказываться предположения, что Киев склонен пересмотреть свою позицию. Положение проясняется после того, как 26 июня 2006 г. Министр иностранных дел Украины Борис Тарасюк встречается с Председателем Парламента Республики Молдова Марианом Лупу и заявляет на встрече, что, хотя новый режим на приднестровском участке и нанес Украине некоторые убытки, она от него не откажется [17].

Украина и Молдова достаточно плодотворно сотрудничали и в части изменения железнодорожных рейсов, после того, как приднестровские власти захватили объекты Молдавской железной дороги, расположенные на территории региона. После этого поезда стали объезжать территорию Приднестровья, при этом кишиневские власти заявили, что не могут обеспечить безопасность железнодорожных перевозок по территории сепаратистского режима. Украина сознательно пошла навстречу Молдове, даже несмотря на то, что в течение нескольких месяцев, прошедших с момента изменения маршрутов поездов, понесла около 10 млн. долларов потерь [18].

Некоторое усложнение отношений между двумя странами наблюдается после прихода на должность премьера Украины Виктора Януковича. В последовавший

16. Заявление Парламента Республики Молдова от 10 июня 2005 г.
17. Газета «Flux» от 27 июня 2006 г.
18. Газета «Curierul Vamal» от 4 сентября 2006 г.

за этим период возникли некоторые «технические» проблемы с новым режимом движения поездов, а Молдове дали понять, что хорошо бы вернуться к движению через Приднестровье. «Сложно предположить, каким будет дальнейшее развитие событий, поскольку политика нового киевского правительства прямо противоположна политике предыдущего. Остается лишь надеяться, что ответственные лица в Кишиневе найдут нужные аргументы, чтобы убедить украинцев в том, что ранее найденный путь единственно верный и что по нему следует идти и в дальнейшем», — писала в то время газета «Curierul Vamal» [19].

Во второй половине 2006 года некоторые кишиневские СМИ начали подозревать Украину в том, что она — «слабое звено ГУАМа» [20]. В 2006 году Молдова, Грузия и Украина стали уделять повышенное внимание ГУАМу, который может стать региональным инструментом, возможно более эффективным даже чем СНГ, и способным снизить российское влияние на бывшие советские государства, расположенные в данном регионе Европы. Таким образом, возникает подозрение, что Украина, возможно, не относится к ГУАМу достаточно серьезно, и это может сорвать отношения, которые другие государства связывают с данной организацией.

Все больше политических аналитиков склонны полагать, что у Молдовы и Украины нет иной альтернативы, кроме сохранения хороших отношений. Украинский фактор для Молдовы имеет первостепенное значение. От Украины решающим образом зависят торговые отношения Молдовы с востоком Европы, урегулирование приднестровского вопроса, региональное сотрудничество, обеспечение энергетической безопасности и, в большой степени, вступление в Европейский Союз и НАТО.

Отношения с Румынией

Республика Молдова и Румыния подписали в общей сложности 82 двусторонних документа [21]. До сих пор данные государства не подписали Базовый политический договор, хотя этот вопрос неоднократно поднимался. В числе важнейших двусторонних молдо-румынских документов — Соглашение о свободной торговле от 15.02.94 г., действующее с 17.11.94 г. На основании данного соглашения, сейчас осуществляется торгово-экономическое сотрудничество, однако после вступления Румынии в ЕС, документ утратит юридическую силу.

В структуре молдавского экспорта Румыния занимала в 2005 году третью позицию с объемом поставок в 111,7 млн. долларов, что составляет 112% по сравнению с уровнем 2004 года. Румыния занимает также третье место по импорту в Республику Молдова — за 2005 год — поставки из этой страны составили 257,4 млн. долларов, то есть 156,8% по сравнению с 2004 годом. В январе-сентябре 2006 г. Румыния заняла второе место в структуре молдавского экспорта, поставки на этот рынок составили 105,1 млн.

19. Газета «Curierul Vamal» от 4 сентября 2006 г.
20. Газета «Flux» от 17 октября 2006 г.
21. www.mfa.md.

долларов или 128,5% по сравнению с январем-сентябрем 2005 г. За тот же период объем импорта из Румынии в Молдову оценивался в 240,9 млн. долларов или 136,6% по сравнению с январем-сентябрем 2005 года [22].

После того, как Республика Молдова завоевала свою независимость, молдо-румынские отношения прошли несколько этапов развития. На первом этапе (во время первого президентского срока Иона Илиеску в Румынии и в период президентства Мирчи Снегура в Республике Моддова) эти связи динамично развивались, при этом не наблюдалось каких-либо значимых сбоев. Во время президентства Петра Лучинского в Республике Молдова и Емила Константинеску в Румынии молдо-румынские отношения вступают в период относительного затишья. Политические аналитики не считают их ни хорошими, ни плохими. Некоторое ухудшение этих отношений отмечается после прихода к власти в Республике Молдова Партии Коммунистов в 2001 году. Именно в этот период в Европейском суде по правам человека начинается обсуждение дела о Бессарабской митрополии (религиозной организации, канонически подчиняющейся Румынской патриархии и долгое время официально не признававшейся властями Республики Молдова). Во время слушаний Министр юстиции Республики Молдова Ион Морей обвинил Румынию в поддержке данной митрополии и во вмешательстве во внутренние дела Республики Молдова. После этого заявления молдо-румынские отношения вступили в этап враждебности, которую удалось преодолеть лишь к концу 2004 — началу 2005 года после избрания Траяна Бэсеску на должность Президента Румынии.

Однако после короткого периода спокойствия в молдо-румынских отношениях снова возникает напряженность к середине 2006 года. Вообще, многие политические аналитики неоднократно отмечали, что у Молдовы и Румынии слишком много больных спорных вопросов для того, чтобы хорошие отношения между странами отличались постоянством. В сентябре 2006 года молдавский спикер Мариан Лупу признался в интервью радиостанции «Radio Румыния», что «у нас есть некоторые очень больные темы, которые ставят нас на прямопротивоположные позиции — язык, нация, история и другие вопросы». Председатель Сената Румынии Николае Вэкэрою, посетивший Республику Молдова в сентябре 2006 года, также признался что «у визита была четкая цель — восстановить двусторонние парламентские отношения, которые до сих пор не оправдывали ожиданий» [23].

Причиной нового витка напряженности в молдо-румынских отношениях в 2006 году стали желание Румынии помочь Республике Молдова в процессе европейской интеграции и возможности, которые видятся стране в этой связи. Траян Бэсеску выступил с рядом заявлений по данному вопросу. На конференции «Румыния европейская, Румыния атлантическая, Румыния в сфере международных отношений», проходившей в июне 2006 года, он заявил о том, что Республика Молдова — приоритет внешней политики и о наличии желания интегрировать эту страну в волну расширения ЕС,

22. Национальное бюро статистики Республики Молдова.

23. Газета «Timpul» от 26 сентября 2006 г.

которая охватывает Западные Балканы [24].

Однако ранее румынский президент выступил и с другим заявлением о том, что якобы предложил своему кишиневскому коллеге Владимиру Воронину интеграцию Республики Молдова в ЕС вместе с Румынией. Данное заявление вызвало ряд широкомасштабных действий в Кишиневе. В первую очередь, в Кишиневе был создан Комитет в поддержку заявления Президента Румынии Траяна Бэсеску о совместной интеграции Республики Молдова и Румынии в Европейский Союз [25].

Комитет заявил, что «лозунги кишиневских властей о том, что Республика Молдова сама интегрируется в Европейский Союз в качестве независимого и самостоятельного государства — просто спекуляции, призванные ввести в заблуждение электорат и мировую общественность». «Со всей ответственностью и со знанием дела заявляем, что это государство несостоятельно и неплатежеспособно по всем статьям, не может существовать самостоятельно и, тем более, само интегрироваться в европейские и евроатлантические структуры. Интеграция Республики Молдова в Европейский Союз возможна только в том случае, если данная территория станет (вновь) составной частью Единого Румынского Государства», — говорится в Заявлении, принятом Комитетом на своем учредительном заседании [26].

Заявление румынского президента спровоцировало и оппозицию Республики Молдова, предложившую, чтобы президент Владимир Воронин представил в парламенте информацию о предложении, которое получил ранее от своего румынского коллеги Траяна Бэсеску по поводу ускорения вступления Республики Молдова в Европейский Союз [27]. Оппозиция начинает подозревать президента Владимира Воронина в отклонении предложения Румынии и требует объяснений.

Очевидно, что на фоне данных событий происходит охлаждение молдо-румынских отношений. Тем более, что после этого руководители двух стран выступают и с другими заявлениями по другим больным вопросам, также свидетельствующими о не слишком хорошем состоянии молдо-румынских отношений. Так, газета «Timpul» пишет, что 26 октября 2006 г. на церемонии открытия нефтеналивного терминала в Джурджулештах, президент Владимир Воронин «возвращается к своей традиционной антирумынской риторике». Глава государства коснулся вопроса об исторических территориях, потерянных Молдовой. Он не уточнил, какие страны имеет в виду, назвав их соседними. Президент заявил: «Если перелистать страницы истории и посмотреть на карту Молдовы середины прошлого тысячелетия, видим, что Молдова была страной, территориально, географически расположенной в середине Европы, с площадью гораздо большей по сравнению со многими другими странами, расположенными сегодня вокруг нас» [28].

Румыния также нашла причины, чтобы критиковать положение дел в Республике

24. Газета «Flux» от 28 июня.
25. Агентство «Инфотаг», 12 июля 2006 г.
26. Агентство «Инфотаг», 12 июля 2006 г.
27. Агентство «Инфотаг» , 6 июля 2006 г.
28. Газета «Timpul» от 30 октября 2006 г.

Молдова. Так, бухарестские власти выразили свое неудовлетворение тем, что с 1 сентября 2006 года в школах Республики Молдова предмет «История румын» был заменен на «Интегрированную историю». Президент Траян Бэсеску заявил, что разочарован и что год назад он надеялся, что учебники «Интегрированной истории» — информация, а не факт [29].

И все же политические аналитики отмечают, что хотя молдо-румынские отношения не так хороши, все же они развиваются на цивилизованной основе и преодолели период, отмечавшийся в 2001 году. И Молдова, и Румыния заинтересованы в наличии добрых двусторонних отношений. Они не только позволяют решить существующие двусторонние проблемы, но и создают предпосылки для будущего плодотворного и взаимовыгодного сотрудничества. Молдове нужна поддержка Румынии в процессе вступления в Европейский Союз, а также для решения целого ряда экономических проблем.

Таким образом, в скором времени вопросы двустороннего торгового сотрудничества двух стран могут получить первостепенное значение. Есть опасения, что вступление Румынии в ЕС отрицательно скажется на внешней торговле Молдовы, поскольку в отношениях двух государств не будет больше двустороннего соглашения, а будут действовать правила ЕС. Однако, по мнению официальных лиц в Кишиневе, вступление Румынии в ЕС не будет иметь тяжелых последствий для внешней торговли Республики Молдова. В последние годы Румыния устойчиво занимала третье место в структуре внешней торговли Молдовы, а ее доля в импорте и экспорте составляла примерно 10%. После вступления Румынии в ЕС, Соглашение о свободной торговле между Молдовой и Румынией будет отменено. И все же последствия его отмены будут минимальными, поскольку в двусторонних отношениях начнут действовать правила Европейского Союза, предусматривающие свободный доступ на рынок ЕС целого ряда внешних товаров. С 1 января 2006 года Молдова пользуется системой преференций в торговле с ЕС GSP+. Данная система позволит Молдове экспортировать в режиме свободной торговли в Румынию после вступления этой страны в ЕС около 75% товаров, вывозимых сегодня. GSP+ охватит и 52% импортных поставок, осуществляемых сегодня Молдовой из Румынии в режиме свободной торговли. Кроме того, существуют категории товаров, импортируемых сейчас по нулевой ставке. Таким образом, в целом от вступления Румынии в ЕС может пострадать лишь ⅓ сегодняшнего импорта Молдовы из Румынии [30].

Специалисты отмечают, что по сравнению с объемами, наблюдавшимися до подписания Соглашения, товарообмен с Румынией, по разным оценкам, возрос к 2003 году на 5—13%. При этом объем экспорта из Республики Молдова в Румынию сократился наполовину, а экспорт из Румынии в Республику Молдова удвоился. Это позволяет нам сделать вывод, что в целом Соглашение о свободной торговле не способствовало росту доли молдавских товаров на румынском рынке, а значит, его

29. Газета «Timpul» от 3 ноября 2006 г.

30. «Парламентский вестник» , май 2006 г.

отмена не создаст серьезных проблем [31].

Ясно, что нынешнее состояние молдо-румынских отношений совершенно иное, чем 15 лет назад. Больше не делается упор на объединение двух стран. Тем более, что некоторые специалисты даже посчитали цену возможного объединения. По некоторым оценкам, объединение Румынии с Республикой Молдова будет стоить бухарестским властям в первые пять лет 30—35 млрд. евро [32]. Сейчас ставится акцент на решение экономических вопросов и перспективы сотрудничества в Европе. Конечно, есть мелкие проблемы и заявления (возможно даже резкие) еще будут. Но это неизбежно, поскольку многие вопросы являются (и еще долго будут являться) больными.

Игорь Волницкий

Про автора:
Игорь Волницкий — политический обозреватель Агентства «Инфотаг», заместитель редактора журнала «Профит», председатель Ассоциации за демократию, образование и реформы.

31. Журнал «Профит» за январь-февраль 2006 г.
32. Румынская газета «Cotidianul» от 2 октября 2006 г.

Молдова: между Востоком и Западом

Республика Молдова последние шесть лет — так же как и в течение всего периода своей независимости — проводит самую неопределенную и двусмысленную политику в регионе в отношениях с Россией и Западом. Не доходя до прямого и решительного разрыва с советским прошлым и бывшими имперскими отношениями (экономическими или политическими), Молдова, тем не менее, время от времени разыгрывала западную карту. Но эта игра была всего лишь демонстрацией; она задействовала ограниченную политическую волю, проявлявшую себя в области пиара, публичных заявлений и незначительных изменений законодательства, но не затрагивающую такие процессы, как проведение реформ и взятие на себя обязательств, которые отразились бы на реальной жизни.

Отношения с Западом: ровные, неопределенные и лишенные энтузиазма

Формальные отношения с НАТО были установлены в 2005 году в формате «Партнерство ради мира» (ПРМ), однако, принятые при этом обязательства были меньшими, чем у всех других стран-участниц ПРМ, а объем их выполнения составил менее 60% [1]. Основной мотивацией для этого служило то, что в конституции Республики Молдова задекларирован ее нейтралитет, который, однако, никогда и никем ей не предоставлялся, да и в реальности не существовал, так как российские войска находятся на ее территории с 1993 года в соответствии с декретом Бориса Ельцина.

Используя эту слабую мотивацию, Молдова отказалась от проведения реформ в сфере безопасности и так и не смогла выработать подходящую стратегию национальной безопасности [2]. С другой стороны, учитывая то, что Молдове необходимо поддерживать добрососедские отношения с Россией (причем данный курс поддерживается Евросоюзом и США), вопрос вступления в НАТО не поднимался, хотя Христианско-Демократическая Народная Партия (ХДНП) включила его в свою политическую и предвыборную программу [3]. Лишь в этом году официальными лицами Молдовы и НАТО был наконец разработан и принят Индивидуальный партнерский план действий (IPAP) [4]. Ближайшие годы покажут, насколько глубоко это решение

1. Юлиан Кифу, координатор, Alunecarea antidemocratică a governării gălăgioase (Антидемократическая «зачистка» шумного правительства), Доклад Центра прогнозирования и предотвращения конфликтов по Молдове, 2003 г., Politeia-SNSPA, Бухарест, 2004 г., стр. 209—238
2. Игорь Мунтеану, Романиста Берга, Юлиан Кифу и другие, Молдова на пути к демократии и стабильности, Cartier, Кишинев, 2006 г., стр. 248—263.
3. Предвыборная программа ХДНП, январь 2005 г. Также смотрите агентство Flux, январь-март 2005 г.
4. Виорель Чиботару, Planul Individual de Parteneriat Republica Moldova-NATO rezida in necesitatile vitale ale Republicii Moldova (Индивидуальный партнерский план действий Молдова-НАТО как жизненно необходимый для республики Молдова) www.europa.md.

затронет сферу национальной безопасности.

В то же время Европейский Совет наиболее активно демонстрировал свое участие в делах Молдовы и достиг неожиданных результатов, учитывая ограниченные возможности контроля за осуществлением его резолюций. Специальный постоянный представитель следит за исполнением двух резолюций 2002 года [5], касающихся соблюдения демократических норм и участия оппозиции в принятии политических решений. К сожалению, даже на сегодняшний день политический истеблишмент не преуспел в соблюдении требований этих резолюций [6]; более того, нынешние власти даже не приняли соответствующих решений для того, чтобы выполнить эти требования и избавиться от мониторинга со стороны СЕ.

С другой стороны, был сделан шаг назад, а именно, поднятие вопроса «единой истории», которая, по сути, основывается на сталинистской доктрине «Молдовенизма» и утверждает, что существуют две различные национальности — «молдавская» и румынская [7]. Резолюции СЕ наложили мораторий на этот вопрос, равно как и на перенос его из политической плоскости в научную, с целью избежать нового раскола общества и, наоборот, способствовать его объединению. Этот мораторий соблюдался в течение трех лет, но в прошлом году был проведен «эксперимент» с историей, а в этом — «единая история» была введена в школьную программу, несмотря на протесты учеников, учителей и родителей. Те, кто преподают эту историю, и те, кто пишут учебники по ней (хоть сами они могут в нее и не верить), имеют огромные доходы за счет государственного финансирования [8].

Уровень отношений с МВФ и Мировым Банком всегда был откровенно недостаточным. Обязательства изначально не выполнялись, и в 1997—2000 гг. не было подписано ни одного соглашения. В течение первого срока пребывания у власти коммунистического правительства, эти две организации были практически изгнаны из Молдовы [9];

---

5. Резолюция СЕРА № 1280 (24 апреля 2002 г.); также см. резолюцию СЕРА от 26 сентября 2002 г.
6. Владимир Филиппов, специальный представитель Совета Европы в Молдове, декларация о завершении выполнения обязанностей, агентство Flux, Кишинев, 6 октября 2006 г.; также см. декларацию в Timpul, Кишинев, 6 октября 2006 г.
7. Юлиан Кифу, координатор, Alunecarea antidemocratică a governării gălăgioase (Антидемократическая «зачистка» шумного правительства), Доклад Центра прогнозирования и предотвращения конфликтов по Молдове, 2003 г., Politeia-SNSPA, Бухарест, 2004 г., стр. 11—52; также см. Юлиан Кифу, Spațiul post-sovietic. În cautarea identității/Постсоветское пространство: новая идентичность (двуязычное издание), Politeia SNSPA, Бухарест, 2005 г.; Юлиан Кифу — Идентичность и мультикультурализм: многообразие и общественное принуждение. От непонимания к открытости и сотрудничеству в мультикультурном обществе, Pontos, Чизинау, 2005 г.
8. Влад Чубреасов, глава парламентской группы ХДНП (Христианско-Демократическая Народная Партия), Парламентская декларация о единой истории; также см. Ион Варта, сборник газет Flux, июнь-ноябрь 2006 г.
9. Юлиан Кифу, координатор, Alunecarea antidemocratică a governării gălăgioase (Антидемократическая «зачистка» шумного правительства), Доклад Центра прогнозирования и предотвращения конфликтов по Молдове, 2003 г., Politeia-SNSPA, Бухарест, 2004 г., стр. 169—184; Юлиан Кифу, Роберт Ион и другие, Spre Uniunea Europeană fără reforme democratice (Движение в сторону ЕС без демократических реформ) Доклад Центра прогнозирования и предотвращения конфликтов по Молдове, 2004 г., Alfa and Omega, Кишинев, 2005 г., стр. 61—94 и 495—516.

в этот период не проводились переговоры и не подписывались соглашения. Сегодня МВФ вернулся с новым предложением, по которому в настоящий момент проводятся переговоры, а Мировой Банк разрабатывает ряд важных программ, таких, как, к примеру, SCERS — Стратегия борьбы с крайней бедностью.

Отношения Молдовы с Евросоюзом

Республика Молдова сумела ограничить свои отношения с Западом частичными отношениями с Евросоюзом, обусловленными потребностью в доступе на внутренний рынок со льготными условиями налогообложения, желанием получить особый визовый режим [10], а также большим количеством граждан Молдовы, находящихся на заработках в странах Евросоюза. Кроме того, были поданы заявки на европейское финансирование проектов развития, хотя на данный момент отношения в этой плоскости ограничены Планом действий Молдова—ЕС [11] в рамках Европейской политики соседства.

Евросоюз открыл в Кишиневе представительство (Делегацию Комиссии ЕС), а также ввел свою мониторинговую структуру (EUBAM) на украинско-молдавской границе, включая сектор между сепаратистским регионом Приднестровья и Украиной. Одновременно с этим был назначен специальный представитель по вопросам Приднестровского конфликта — Адриан Якобович де Шегед, который сегодня также исполняет роль представителя ЕС в рамках программы «5 + 2» [12]. Все эти шаги были предприняты в период пересмотра политики ЕС и блокирования конституционного договора. Приднестровье было хорошим объектом для практического применения Общей политики в области иностранных дел и безопасности (CFSP) и даже Европейской политики безопасности и обороны (ESDP), причем успех означал бы значительный прогресс для всей политики ЕС в данной сфере.

Молдова заявляет о своем желаний вступить в ЕС, и две декларации бывшего и нынешнего парламента подтверждают эту цель [13]. Но никаких других шагов, кроме деклараций, так и не было предпринято. Анализ выполнения Плана действий, который будет проведен в конце текущего года, неизбежно продемонстрирует недостаточность реформ и неполное соблюдение Молдовой взятых на себя обязательств [14],

---

10. Сергиу Бусканенау, Monitorizarea Guvernamentală a Implementării Planul de Acțiuni RM-UE. (Государственный мониторинг Плана действий РМ—ЕС) E-Democracy. Md. 15.10.2006 г.; также см. Игорь Ботан, Мониторинг ADEPT Плана действий РМ—ЕС, Юлиан Фрунтазу, Мониторинг Плана действий РМ—ЕС, www.ipp.md.
11. План действий РМ-ЕС, документы, www.eurojournal.org
12. Нику Попеску, Молдова и ЕС: сокращение разрыва, 14 октября 2005 г. ЕС и Молдова. Урегулирование конфликтов в регионе, 4 декабря 2005 г., www.eurojournal.org
13. Юлиан Кифу, координатор, Alunecarea antidemocratică a governării gălăgioase (Антидемократическая «зачистка» шумного правительства), Доклад Центра прогнозирования и предотвращения конфликтов по Молдове, 2003 г., Politeia-SNSPA, Бухарест, 2004 г., стр. 312—342; Flux, 4—5 апреля 2005 г.
14. Там же, примечание 10.

не говоря уже о проблемах в сфере прав человека, которые были выявлены Советом Европы [15] и за которыми ЕС очень внимательно следит.

СНГ — основа для бывших отношений «центр — периферия»

Весьма интересно наблюдать за позицией Республики Молдова в отношениях с СНГ. Началось все с того, что в 1992 году президент Мирча Снегур подписал в Алма-Ате договор о создании Содружества Независимых Государств. Однако, будучи поданным на рассмотрение парламента (по сути — бывшего Верховного Совета, избранного в Молдавской ССР), договор был отклонен [16]. Это привело к проведению новых выборов, в которых не были представлены восточные области Молдовы; в результате все соглашения были ратифицированы аграрно-социалистическим пророссийским большинством [17].

Стоит отметить, что СНГ никогда не представлял собой реальной организации, с соответствующими органами управления и функциональностью [18]. Это, скорее, структура, позволяющая России продолжать советскую политику доминирования над «ближним зарубежьем», то есть, над постсоветским пространством, исключая страны Балтии. Более того, даже те решения, которые были приняты в рамках Экономического Сообщества СНГ, так и не были претворены в жизнь, в первую очередь из-за того, что Россия отказывается открыть свой рынок для экспорта из других стран. На деле все ограничилось двусторонними соглашениями, а СНГ всего лишь занял место СССР в политике России в отношении ближнего зарубежья.

Республика Молдова заявила о своем нейтралитете и отказалась подписывать военные соглашения в рамках СНГ. Однако, в 1994—95 гг. было заключено более десятка соглашений, в подписании которых участвовали Министр внутренних дел и Министр национальной безопасности Молдовы [19]. Эти соглашения, по сути, предоставляли Москве любую информацию и поддержку со стороны молдавского МВД, а также юридически признавали выданные Москвой судебные решения — хотя на самом деле, те судебные решения, на которых настаивала Молдова (в частности, против Игоря Смирнова и руководства сепаратистов), так и не были приняты Россией [20] и Украиной.

---

15. Владимир Филиппов, там же, примечание 6.
16. Юлиан Кифу — Războiul diplomatic în umbra Kremlinului, (Дипломатическая война под кремлевскими стенами) Иази, Loreley, 1997; Юлиан Кифу, Războiul diplomatic în Basarabia (Дипломатическая война в Бессарабии), Бухарест, Paideia, 1997 г.
17. Там же, примечание 16.
18. Владимир Сокор, статьи в Eurasia Daily Monitor. Также см. Сергей Маркедонов, Профиль России. Также см. Игорь Волохничи, Cat Timp va mai Crede Guvernul in Mitul Frumos al Avantajelor Economice pe Care le Ofera CSI? (Сколько еще правительство Молдовы будет верить в прекрасный миф о экономических преимуществах СНГ?) Azi. md. 18.09.2006 г.
19. Там же, примечание 16.
20. Самым последним стал пример с «Булгару», которы был передан из Киева в Москву и освобожден российскими властями, хотя власти Молдовы выдали ордер на его задержание.

Присутствие российских войск, складов оружия и боеприпасов на молдавской территории, а также соглашения, подписанные в сфере безопасности, внутренних дел и юстиции, являются живым доказательством того, что Молдова так и не избавилась от влияния Москвы даже в вопросах безопасности, не говоря уже об экономике. Эти соглашения до сегодняшнего дня не расторгнуты Кишиневом, а часть из них является несовместимой с IPAP, Планом действий ЕС для Молдовы, и желанием вступить в ЕС.

Ситуация в экономике: поддержка российского влияния

Анализ экономической политики Республики Молдова за все время ее существования показывает, что Российские интересы никогда не ущемлялись, даже если речь шла о вопросах чистой конкуренции при проведении приватизации. Даже в 1997-2000 гг., в период существования «демократической» коалиции, приватизация с привлечением западных инвесторов происходила редко и, как правило, была результатом личных контактов, а не открытой политики правительства.

В 2001 году, с приходом коммунистического режима, началась национализация приватизированных объектов, находившихся в руках западных владельцев [21]. Так было с Farmaco, компанией, которой владела Glaxco Welcome — SmitchClime Beacham, попавшая в Молдову через Europharm Brasov. То же самое произошло с поставщиком услуг Интернет Megadat. com, с крупнейшим частным банком Молдовы Victoria Bank, с энергетической компанией Spanish Union Fenosa, которая была вытеснена с рынка из-за низких цен для потребителей и их больших задолженностей, высоких цен на энергию, а также давления со стороны официальных лиц с целью продать компанию российскому объединению РАО ЕЭС. Среди жертв национализации оказался и ряд других компаний, в том числе тех, владельцами которых являлись молдавские политические деятели. На сегодняшний день, попытки отдельных политиков привлечь западных инвесторов носят частный характер и не являются частью национальной стратегии.

Даже после 2003 года, когда политические отношения между Кишиневом и Москвой оказались заморожены из-за отказа принять план Козака (что было единственным заметным свидетельством смены ориентации в сторону Запада), экономические интересы России все равно оберегались. Более того, ей было оказано максимальное содействие в сфере приватизации, в результате чего на сегодняшний день Россия владеет самыми крупными компаниями на рынке, вся торговля и распространение товаров осуществляется российскими гражданами, а западные инвесторы не имеют адекватного доступа на молдавский рынок [22]. Права собственности не были восстановлены, и государство осталось владельцем собственности, конфискован-

21. Там же, примечание 9.

22. Юлиан Кифу, Роберт Ион и другие, Spre Uniunea Europeană fără reforme democratice (Движение в сторону ЕС без демократических реформ). Доклад Центра прогнозирования и предотвращения конфликтов по Молдове, 2004 г., Alfa and Omega, Кишинев, 2005 г., стр. 61—94 и 495—516.

ной у населения в 1940 и 1944 годах путем создания колхозов (отнявших землю у крестьян) и национализации всех предприятий. А закон, который бы обеспечил иностранным инвесторам свободный и равноправный доступ на молдавский рынок, так и не был разработан.

Даже сегодня, когда Москвой объявлена война в сфере винной и сельскохозяйственной продукции [23], в Кремль был отправлен президентский советник с новыми выгодными экономическими предложениями, в частности, в сфере телекоммуникаций, информационных технологий и энергетики. В то же время не были проведены основные экономические реформы, налоговые поступления в бюджет оставляют желать лучшего, а теневая экономика занимает большой сегмент рынка (не говоря уже о ситуации в восточных районах страны). Значительная часть бюджета не является прозрачной и находится в руках не парламента, а Министра финансов, который по своему усмотрению распределяет фонды для использования на местах. А местные администрации, не имея юридической базы в виде соответствующего финансового законодательства, вынуждены выпрашивать у Кишинева каждую копейку. Административные структуры работают неэффективно и больше потребляют деньги на свой бюрократический аппарат, чем служат общественным интересам — что, впрочем, соответствует старому советскому принципу централизации [24].

Разрешение Приднестровской проблемы: цель есть, доверия нет

Власти Молдовы выдвинули проблему Приднестровья на передний план, и постоянно освещают ее в средствах массовой информации, несмотря на ограниченный интерес к ней населения (согласно опросу IPP, только 4% респондентов считают этот вопрос важным). Однако, многие решения, которые Кишинев мог бы принять без каких-либо затруднений, не претворяются в жизнь [25], что начало серьезно подрывать доверие населения к позиции власти в этом вопросе.

Проблема в том, что многие политики связаны с сепаратистами коммерческими интересами. В Кишиневе сепаратисты совместно с местными бизнесменами и политиками открыли множество якобы «официальных» компаний, которые на самом деле занимаются отмыванием «грязных» денег сепаратистов. Отсутствие политической воли также не позволяет отменить международный статус, предоставленный Молдовой в 1997 году Тираспольскому аэропорту, который является неконтролируемой перевалочной базой для военных и гражданских рейсов, и одним из наиболее интенсивно

23. Россия предпочитает вина из Абхазии и Приднестровья. BBC. ro. 07.11.2006 г.; Россия может прервать железнодорожное сообщение с Молдовой из-за разногласий по транзиту. РИА Новости. 27.10.2006 г.; Молдова пытается восстановить железнодорожное сообщение с Украиной, BBC. ro. 27.10.2006 г.

24. Правительство Молдовы только недавно приняло стратегию развития регионов европейского типа, но пока не разработало механизма ее внедрения. См. Развитие шести регионов, Info prim neo, 7 ноября 2006 г., Flux, 8 ноября 2006 г.

25. Игорь Мунтеану, Романиста Берга, Юлиан Кифу и другие, Молдова на пути к демократии и стабильности, Cartier, Кишинев, 2006 г., стр. 135—160.

используемых маршрутов незаконной торговли оружием. Все это — следствие отсутствия единой стратегии реинтеграции страны.

С другой стороны, официальные лица Кишинева используют сам факт существования Приднестровского конфликта как предлог для отказа от реформ и изменений [26]. Вопрос Приднестровья был внесен в двусторонний План действий ЕС — Молдова в надежде на то, что Евросоюз разрешит проблему без полноценного участия и заметных усилий со стороны молдавских властей, которым не придется принимать и осуществлять ответственные решения, и нести связанные с ними расходы. Такое поведение еще раз подчеркивает двусмысленность, непредсказуемость и обратимость заявленного курса на развитие Республики Молдова в направлении западных демократических ценностей, рыночной экономики, верховенства закона и европейских институтов.

Юлиан Кифу

Про автора:
Юлиан Кифу — директор бухарестского Центра прогнозирования и предотвращения конфликтов.

26. Игорь Мунтеану, Романиста Берга, Юлиан Кифу и другие, Молдова на пути к демократии и стабильности, Cartier, Кишинев, 2005 г., стр. 72—83.

Состояние и перспективы экономики Молдовы

За пятнадцать лет независимости экономика Республики Молдова так и не смогла стать инструментом развития для страны, которая раздроблена, неконкурентоспособна и не имеет четкой концепции развития. Этот период оказался недостаточным для того, чтобы укрепить институты рыночной экономики, а те из них, которые все-таки были введены, являлись ответом на внешнее давление, а не на внутренние нужды. Когда государство вынуждено было признать свою неспособность управлять экономикой страны, начался процесс приватизации; однако и после того, как большинство секторов национальной экономики перешло в частные руки, государство не сумело определить собственную экономическую роль в обществе. До сегодняшнего дня существуют рудименты старой централизованной системы. При попытках координировать экономику страны через централизованные административные каналы не учитывается ее приватный характер. Прошло уже пятнадцать лет с момента развала советской экономики — и сегодня мы видим, как каждое отдельное министерство берет на себя создание новых рабочих мест в своих «подчиненных» структурах.

Существующая по сей день ностальгия по механизму функционирования советской экономики, равно как и горестные стенания по ушедшему в небытие СССР, проистекают из одной и той же неверной гипотезы, которую до сих пор никто не опроверг. Большинство населения, политиков и экономических субъектов искренне полагают, что обретение Республикой Молдова независимости привело к разрыву экономических связей с бывшими советскими республиками и, как следствие, к развалу предприятий и тотальной бедности населения. В реальности, дела обстояли совершенно по-другому. Советская экономика начала деградировать с 1976 года, а с 1983 — полностью обанкротилась и выживала исключительно благодаря высокой цене на нефть. Естественно, упадок советской экономической системы, разрыв существующих экономических связей между предприятиями и полная неэффективность последних привели к экономическому и политическому коллапсу СССР. В результате возникли пятнадцать независимых государств, одним из которых стала Республика Молдова. Иными словами, наша экономика разрушилась не из-за того, что мы стали независимыми; наоборот — мы получили независимость потому, что все, что мы привыкли называть экономикой, развалилось. Республика Молдова обрела государственность при тотальной неэффективности сельского хозяйства и промышленности, а также полном отсутствии институтов рыночной экономики и опыта действий в условиях рынка. И только сегодня эту реальность начинают понемногу понимать — хотя она была видна в действиях государства в течение всего периода независимости.

В первые годы независимости мы искренне верили в то, что обанкротившуюся и развалившуюся экономику можно каким-то образом реанимировать путем государственной поддержки. Поэтому сельское хозяйство, состоявшее из колхозов совет-

ского образца, до 1996 года получало государственные субсидии в размере до 30% от бюджета. Естественно, эти субсидии только продлили агонию, и когда государство больше не смогло финансировать сельскохозяйственный сектор, мы оказались перед лицом первой грустной реалии: у нашей аграрной страны отсутствует сельское хозяйство. Хуже того — ограниченные финансовые ресурсы неэффективно использовались все эти годы и никаких реальных результатов не было достигнуто. Можно даже сказать, что результаты были отрицательными, ибо в течение пяти лет мы откладывали реформы сельского хозяйства. Стоит отметить и то, что те реформы, которые все-таки были проведены, стали результатом не внутреннего понимания проблем и сложностей, а предложений из-за рубежа. Как следствие, негативные результаты аграрных реформ рассматривались как неудачи зарубежных доноров, как будто мы сами не несем ответственность за реформы в нашей же стране. На данный момент можно сказать только одно: реформа сельского хозяйства продолжается, но при этом по-прежнему отсутствует четкое понимание того, как необходимо развиваться аграрному сектору. Лишь с 2004 года правительство начало реально поддерживать сельское хозяйство. Однако, Министерство сельского хозяйства, привыкшее управлять собственностью государства — колхозами, до сих пор не смогло определить свою роль и функцию в проведении государственной политики в приватном сельскохозяйственном секторе.

Следующее прозрение наступило несколько позднее. Из-за ограниченности госбюджета и неспособности государства финансово поддерживать экономику правительство в течение многих лет предоставляло гарантии для внешних займов экономических субъектов. Люди искренне верили, что с небольшой поддержкой государства можно будет возродить промышленность, не уделяя особого внимания уровню ее эффективности. Нет необходимости констатировать очевидный факт, что по мере банкротства предприятий большинство кредитов, взятых под государственную гарантию, превратились во внешний долг государства. В 1998 году вышел закон, запрещающий правительству предоставлять гарантии для кредитов, взятых экономическими субъектами, и стала очевидной еще одна реалия: у нас нет промышленности.

Понимание третьей, самой драматичной реалии начало приходить лишь сегодня. После кризиса 1998 года экономика Молдовы, с ее отсутствующей промышленностью и сельским хозяйством, оказалась в полумертвом состоянии. Угроза всеобщей бедности, нависшая в 1999—2001 годах, заставила большинство населения эмигрировать за рубеж в поисках работы. Таким образом, общество самостоятельно разрешило проблему бедности. Массированная миграция рабочей силы также оказала заметное влияние на экономику. Значительные финансовые поступления от работающих за рубежом граждан (в 2006 году они составили 30% ВВП) оживили экономическую жизнь Молдовы. По сравнению с предыдущими периодами правительство сумело найти достаточно крупные источники пополнения бюджета, что позволило ему решить ряд социальных проблем. Молдова — это, наверное, единственная страна в Европе, в которой налоги на потребление составляют 85% доходов в бюджет. Неожиданный рост финансовых возможностей правитель-

ства (в 2005 году госбюджет увеличился на 156%) [1] создал иллюзию возможности управлять страной, не проявляя никаких инициатив. Таким образом, весь период бесплатного «социального обеспечения» стал всего лишь службой обществу, ибо институты, необходимые для нормального развития рыночной экономики, вообще не были созданы. В последние годы потребление стало движущей силой экономического роста. Однако в 2006 году этот источник роста будет исчерпан. В течение нескольких лет мы наблюдали экономический рост, который не сопровождался экономическим развитием. За последние годы около одного миллиарда долларов США поступало ежегодно из-за рубежа в виде денежных переводов; но эти деньги расходовались на потребление, а не вкладывались в экономическое развитие. Если мы представим себе общую картину Республики Молдова по состоянию на 1 января, то она будет идентичной картине 31 декабря, когда в стране на один миллиард долларов было больше. Ничего не изменилось, потому что все деньги превратились в потребление.

Многие экономические аналитики спрашивают себя, почему население не вкладывает в экономику деньги, полученные из-за рубежа. Мировой Банк вместе с другими международными финансовыми организациями проводил исследования, чтобы выяснить, какой процент денег инвестируется, а какой — расходуется на потребление. С нашей точки зрения, этот подход абсолютно некорректен. Пожилой человек, получающий 100 или 200 Евро в месяц от работающей за рубежом дочери, вряд ли станет потенциальным инвестором. Кроме того, необходимо учитывать и тот факт, что лишь 5% населения имеет деловые навыки. Подобная ситуация называется наличием «не-качественных денег» в обществе. Действительно, в обществе имеется один миллиард долларов, но он рассредоточен и находится в руках людей, которые по определению не могут стать предпринимателями. Но ситуация еще хуже, чем она кажется на первый взгляд. Не стоит забывать, что все эти деньги расходуются на потребление за весьма ограниченное время и превращаются в доход небольшого числа экономических субъектов с предпринимательскими способностями. Ключевой вопрос заключается не в том, почему люди, получающие переводы из-за рубежа, не вкладывают их в экономику, а в том, почему экономические субъекты, получившие миллиард долларов, предпочитают импортировать, а не инвестировать. По какой причине они не занимаются бизнесом? Многие годы считалось, что наша экономика не развивается, потому что нет спроса. Но суровая реальность показывает нам, что существует огромный спрос. И вот нам приходится констатировать самый грустный факт: у нас нет ни компетентного управления, которое могло бы создать нормальный деловой климат, ни институтов рыночной экономики.

После пятнадцати лет независимости мы начинаем понимать то, что должны были знать с самого начала: у нас нет адекватного сельского хозяйства, конкурентоспособной промышленности, правительства, знающего, как действовать в условиях рынка и соответствующих рыночных институтов. Это — диагноз экономической реальности

1. Economical Statewatch, квартальный анализ и прогноз, №7, 2-й квартал 2006 г.

в Республике Молдова, и чем быстрее мы осознаем ситуацию, тем скорее начнем решать существующие проблемы.

Когда мы начали реформировать сельское хозяйство, мы реально изолировали жизненно важную, но уже разрушенную сферу от неэффективного государственного контроля. Однако люди ошибочно посчитали, что спасательным кругом станет раздача пахотных земель при отсутствии качественных традиций управления сельским хозяйством. Более того, мы попытались связать 60% населения Республики Молдова с сельскохозяйственной деятельностью. Однако владение пахотной землей — не панацея от бедности. В течение 3—5 лет население верило в миф «спасительной земли» и только в 2000—2001 годах поняло, что 60—300 гектаров земли не сделают человека богатым. Анализируя статистику, можно сделать вывод, что до 1997—1998 года почти 80% трудоспособного населения Молдовы работало. В действительности, больше половины из них занималось примитивной обработкой земли, позволявшей решить проблему голода, но не обеспечивавшей нормальное существование, не говоря уже о развитии. Уменьшение числа людей, занятых в национальной экономике, на 300 тысяч в период между 2000 и 2006 годами в основном пришлось на тех, кто работал в сельском хозяйстве. «Очистка» рабочей силы произошла из-за того, что многие из тех, кто считался работавшими, реально таковыми не являлись. Рост благосостояния людей, занятых в сельском хозяйстве, означает увеличение производительности труда, и как следствие — уменьшение количества работников. Общая сумма выплаты денег на каждого человека, работающего в сельском хозяйстве, составляет всего лишь 20 тысяч лей в год (около полутора тысяч долларов США). Без значительного увеличения этого показателя в ближайшие годы, рост благосостояния тех, кто занимается сельским хозяйством, будет невозможен. По нашим приблизительным оценкам число занятых в сельском хозяйстве уменьшится на 200 тыс. человек за ближайшие 5 лет. Необходимо разработать четкую политику для обеспечения их работой в других отраслях национальной экономики; в противном случае мы рискуем оказаться перед лицом новой волны миграции населения.

Плачевное состояние нашей промышленности в основном является следствием иллюзорной веры в ее конкурентоспособность. Все действия властей исходили из этого предположения, а процесс приватизации был далек от идеального.

Приватизация промышленности в Республике Молдова проводилась двумя путями: по приватизационным сертификатам и за деньги. Оба этих, в общем-то, неплохих пути были крайне неудачно претворены в жизнь, полностью дискредитировав концепцию собственности. Как следствие — имеем неадекватную промышленность, неспособную производить продукцию для внешних рынков, и находящуюся в последней стадии полной потери рынков внутренних.

Приватизация по сертификатам заслуживает отдельного рассмотрения; однако сразу же можно выделить несколько основных ее недостатков. В первую очередь, предприятия приватизировались, но это не признавалось. Дальнейшее развитие событий подтверждало тот факт, что они были мертвыми предприятиями. В результате населению предлагалось получать товары, в реальности не существующие. До сих пор

люди спрашивают себя, что же случилось с их собственностью, которая создавалась в течение 70 лет, и сколько она сейчас стоит. И никому не хватает смелости озвучить печальный факт: она ничего не стоит. Когда продается предприятие, предполагается, что его новый владелец предпримет два основных шага: первое — вложит деньги в развитие предприятия, второе — введет новые технологии менеджмента, которые обеспечат качественное развитие предприятия. Очевидно, что население в роли инвестора не имело возможности предпринять подобные шаги, и даже отлично работающее предприятие в таких условиях было обречено на банкротство.

Здесь стоит упомянуть, что в развитых государствах только самые эффективные и процветающие предприятия переходят в общественную собственность путем публичного предложения акций. Чтобы запустить процесс первоначального публичного предложения (IPO), они проходят через сложную процедуру реформации и внешнего аудита, которая длится 3—4 года; при этом конечный успех не гарантируется [2]. У нас же все происходило с точностью наоборот: самые слабые, чтобы не сказать, мертвые предприятия стали общественными, и Молдова превратилась в страну с тремя миллионами держателей акций (иными словами, все население страны стало акционерами). Это привело к тотальной дискредитации всего, связанного с фондовым рынком. Приватизация проходила через Фонд приватизационных сертификатов, позднее преобразованный в Инвестиционный фонд. Законодательство было настолько неэффективным, а государственные институты — настолько слабыми, что в ходе приватизации процветала коррупция, отмывание денег, имел место неэффективный менеджмент и т. д. Как следствие, в 2004 году Парламент принял закон об отмене всех приватизационных сертификатов и о распределении доходов от их продажи между акционерами (то есть, всеми гражданами Республики Молдова). По самым оптимистичным прогнозам, выручка от реализации оставшихся сертификатов может составить около 300 миллионов лей, то есть в среднем 100 лей на каждого акционера (меньше 8 $). Это все, что граждане получат от приватизации советской промышленности.

Приватизация за деньги разделила судьбу приватизации по сертификатам. Целью приватизации за деньги было получение влиятельными людьми в собственность предприятий, представляющих интерес, или, в лучшем случае, пополнение госбюджета выручкой от приватизации. В последние годы приватизация вообще рассматривалась скорее как способ залатать дыры в бюджете, нежели как механизм возрождения приватизированных предприятий.

В результате, у нас сегодня нет надежных владельцев, имеющих реальное «чувство собственности» — ибо собственность эта была получена без приложения заметных усилий. Негативный эффект приватизации особенно ярко проявился в 2006 году, когда Россия запретила импорт молдавских вин. Необходимо отметить, что винодельческие предприятия приватизировались без объявления тендера и проведения публичных торгов, но по соглашению с правительством Российской Федерации. До сегодняшнего

2. Пиа Вайс, «Заметки о стратегическом поведении фирмы во время IPO», Институт экономической политики при университете Кельна.

дня неизвестно, кто и каким образом стал владельцем заводов по производству вин. После запрета владельцы вели себя совершенно не так, как этого можно было от них ожидать. Более того, анализ способов управления приводит к выводу, что предприятия не развиваются, а эксплуатируются.

Иллюзия благополучия в последние годы привела к потере по крайней мере 5 лет, которые можно было потратить на создание и развитие институтов рыночной экономики. Сегодня у нас нет внутренней базы для экономического развития, и сама система экономических отношений в нашей стране не способствует подобному развитию.

Кроме того, как уже упоминалось выше, большинство институтов рыночной экономики отсутствуют, а те, что есть, были созданы благодаря внешнему давлению. К примеру, Агентство по регулированию в энергетике появилось благодаря желанию правительства получить доходы в госбюджет. Возможным источником таких доходов была приватизация энергетических сетей, для проведения которой необходимо было создать основные правила работы этого сектора экономики. То есть, движущей силой перемен стало желание пополнить бюджет, а не понимание необходимости создать энергетический сектор, адекватный для рыночной экономики. Агентство было создано, но до сегодняшнего дня в нем присутствуют элементы советской системы. Однако правительство считает себя ответственным за установление тарифов; поэтому, когда в 2003 году Агентство решило повысить тарифы, его директора попросту уволили, и на следующий день тарифы вернулись к «нормальному» уровню. Несмотря на то, что законодательством предусматривалась либерализация энергетического сектора в 2005 году, она так и не произошла [3]. В результате в секторе наблюдается кроссированное субсидирование: экономические субъекты платят за энергию почти на 40% больше рыночной цены, чтобы обеспечить низкие тарифы для населения [4]. Таким образом, частные предприниматели вынуждены финансировать «социальную политику» правительства в энергетическом секторе. Во всем, что касается регулируемых цен (в области энергетики, телекоммуникаций), имеет место грубое вмешательство государства, которое в конечном итоге не дает сектору развиваться. К примеру, до недавнего времени подобная ситуация наблюдалась в телекоммуникационных услугах: низкие цены на звонки в пределах Молдовы компенсировались неадекватно высокими ценами на международные звонки. Как только появилась IP-телефония, у национального оператора «Молдтелеком» начались серьезные проблемы. Как следствие — правительство наложило запрет на работу IP-операторов в Молдове, чтобы не допустить изменения местных тарифов. «Социальная политика» правительства тормозила развитие целой подотрасли национальной экономики больше года пока, наконец, после долгих испытаний деятельность IP-операторов не была возобновлена.

Однако если Агентство по регулированию в энергетике было основано потому, что,

---

3. Парламентские дебаты, сессия II, 22 декабря 2005 г. http://www.parlament.md/news/plenaryrecords/22.12.2005/
4. Решение конституционного суда, Вердикт по конституционности Закона о телекоммуникациях и Правительственного решения, № 1 от 16.01.2003. http://www.constcourt.md/decisions_ro/2003/dec1.htm

по крайней мере, один экономический субъект (частный оператор, занимающийся распределением энергии) был заинтересован в его существовании, судьба Агентства по защите конкуренции оказалась еще грустнее. Согласно законодательству, это агентство должно было начать работу в 2000 году, но только в 2003 правительство открыло его, да и то по рекомендации извне. А спустя три месяца решение правительства было отменено им же. До сегодняшнего дня агентство не функционирует, и цены (в особенности на нефтепродукты) формируются произвольно. Хотя стоит отметить, что раз в год — весной, а также перед выборами правительство «просит» компании, действующие на нефтяном рынке, снизить цены. Вся система базируется на одолжениях, предупреждениях и прочих местных «особенностях».

Судьба других институтов стала как минимум столь же печальной. В результате — имеем, что имеем. Сегодня, после пятнадцати лет независимости, мы оказались в ситуации, когда нам необходимо:

1. учреждать и развивать институты рыночной экономики;
2. создавать адекватные отношения между государственной властью и деловым сектором;
3. переосмысливать роль государства в обществе и в современной экономике;
4. переосмысливать аграрную политику;
5. разрабатывать политику поддержки предпринимательства на промышленном уровне.

Государство не управляет экономикой в большей степени, чем до независимости — но ему необходимо дать четкие ответы на вопросы: почему владение землей не является гарантией от бедности, почему экономические субъекты теряют внутренний рынок и не могут завоевать внешние рынки, почему не делаются инвестиции и почему у нас имеет место экономический рост без экономического развития.

Способность адекватно ответить на эти вопросы определить качество управления национальной экономикой и динамику ее развития.

Вячеслав Ионицэ

Про автора:
Вячеслав Ионицэ — координатор програм в Институте развития и социальных инициатив (ИРСИ) «Виторул».

Нейтралитет Молдовы: что поставлено на карту?

Законодательная база нейтралитета

В 1994 году была принята Конституция нового государства — Республики Молдова. Статья 11 Молдавской Конституции провозглашала, в первую очередь, постоянный нейтралитет Республики Молдова, а также запрещала размещение иностранных вооруженных сил на ее территории [1]. Нейтралитет считался важной чертой нового государства, так как он, вместе с независимостью, единством и суверенитетом, относился к тем положениям Конституции, которые могли быть изменены только волеизъявлением большинства населения Молдовы на референдуме [2].

Позднее, в 1995 году, были приняты Концепция национальной безопасности и Военная доктрина Республики Молдова. Оба документа опираются на постоянный нейтралитет, задекларированный в Конституции, и рассматривают его как краеугольный камень политики Молдовы в военной сфере и сфере безопасности. В Концепции национальной безопасности (которая на сегодняшний день уже является устаревшей) упомянуто, что Молдова поддерживает политику постоянного нейтралитета. В то же время в Военной доктрине Республики Молдова указано, что постоянный нейтралитет является фактором, определяющим «исключительно оборонительный характер доктрины» [3]. Поддержание постоянного нейтралитета является также одним из принципов внешней политики Молдовы, изложенной в Концепции внешней политики [4]. Все три стратегических документа были приняты в 1995 году, и нуждаются в адаптации к современным реалиям. Похоже, что процесс реформирования уже начался, и в разработке находятся *Стратегия национальной безопасности, Национальная стратегическая концепция, Национальная военная стратегия*, и *Национальная политика обороны*. Эти документы составят основу будущих военных реформ.

Впрочем, когда принимались прежние документы, нейтралитет выглядел разумным выбором, по крайней мере, по двум причинам. С одной стороны, у нового государства вообще не было военной истории, так что постоянный нейтралитет становился заменой сильной армии, наиболее дешевым и удобным путем защиты суверенитета и независимости Республики Молдова. Постоянный нейтралитет можно было рассматривать как стратегию выживания между двумя более сильными соседями, а также как ответ на давление со стороны России, имеющее целью заставить Молдову принять участие в различных военных структурах. Вторая причина провозглашения

1. Статья 11 Конституции Республики Молдова, 29 июля 1994 года, стр. 6.
2. Статья 142 Конституции Республики Молдова, 29 июля 1994 года, стр. 31.
3. *Решение Парламента Республики Молдова в отношении военной доктрины Республики Молдова,* № 482-XIII din 06.06.1995 на www. army. md, доступно 04.11.2006.
4. *Концепция внешней политики Республики Молдова, одобренная Парламентом,* № 368-XIII, 08.02.1995, стр. 2.

нейтралитета заключалась в присутствии российских войск на левом берегу Днестра. Конституционный нейтралитет служил дополнительным аргументом для вывода российских войск и военной техники с территории Молдовы.

Некоторые эксперты считают, что нейтралитет — это скорее академическое понятие, и что каждая страна, признанная нейтральной (Швейцария, Ирландия, Австрия, Швеция, Финляндия), трактует концепцию нейтралитета по-своему [5]. В случае Молдовы, нейтралитет не был подробно определен в каком-либо законе, и является достаточно абстрактным. Вдобавок к отсутствию внутреннего законодательства, постоянный нейтралитет Молдовы не имеет международного признания.

Расширение сотрудничества с НАТО

Попытки России втянуть Молдову в сомнительные военные структуры потерпели неудачу, когда Молдова отказалась подписать Договор о коллективной безопасности, а позднее — отказалась вступить в Организацию Договора о коллективной безопасности. Однако, хотя Молдова и не является членом Организации Договора о коллективной безопасности, российское военное присутствие в Приднестровье и поддержка Москвой непризнанной Приднестровской Республики демонстрируют явное неуважение к постоянному нейтралитету Молдовы, более того, являются посягательством на него. Этот факт часто игнорируется некоторыми политиками, которые утверждают, что недавние учения в рамках Партнерства ради мира являются нарушением нейтралитета Молдовы [6].

На сегодняшний день, Молдова проводит политику восстановления отношений с НАТО. Молдова принимает участие в программе «Партнерство ради мира» с 1994 года. В сентябре 2006 года в Молдове были впервые организованы учения в рамках данной программы — *Cooperative Longbow 06* и *Cooperative Lancer 06*. На 2007 год запланированы международные учения *Medceur-2007*, которые пройдут на полигоне Булбоака, и будут иметь целью отработку действий медицинских служб в кризисных ситуациях. Также в настоящий момент, при поддержке программы НАТО «Наука ради мира», разрабатывается проект, связанный с утилизацией пестицидов [7].

6 июля 2006 правительством республики был одобрен Индивидуальный партнерский план действий (IPAP) Молдова — НАТО [8]. Планы IPAP, начало которым было положено

5. Интервью с Виорель Чиботару, http://www.europa.md/rom/infto/182, 31.08.2006.
6. См. Декларацию Народной Республиканской Партии, лидером которой является Николай Андронич. Эта партия протестовала против проведения миротворческих учений *Cooperative Longbow 06* и *Cooperative Lancer 06*, утверждая, что военный характер учений является нарушением нейтралитета Молдовы. Социалистическая Партия и политическое движение «Равноправие» также были против проведения учений. Следует отметить, что другие нейтральные страны поддержали учения. См. http://www.europa.md/rom/serch/1/178
7. Запущенный 7 ноября, 2006, проект NATO/PfP-OSCE/ENVSEC имеет бюджет 650 000 Евро, и будет осуществляться до 31 января 2007 года. Для Молдовы это второй крупный проект, поддерживаемый НАТО. Первый завершился в 2002 году и предусматривал уничтожение приблизительно 250 м^3 ракетного топлива и 11 000 противопехотных мин, находившихся на складах.
8. Monitorul Oficial al Republicii Moldova, № 134—137, 25.08.2006, стр. 26—44.

в ноябре 2002 года на Пражском саммите, открыты для тех стран, которые обладают достаточной политической волей и достаточными возможностями для расширения отношений с НАТО. Эти планы предназначены для выработки различных механизмов сотрудничества между страной-партнером и Альянсом, а также для поддержки внутренних реформ в стране.

Индивидуальный план Молдова — НАТО был полностью согласован с Планом действий ЕС — Молдова в рамках Европейской политики соседства, с целью обеспечить дополнение планами друг друга, и избежать повторений. В IPAP дважды упоминается нейтралитет. В документе четко указывается, что участие Молдовы в IPAP ни коим образом не означает ее желания вступить в НАТО, а имеет целью только проведение реформ в военной сфере и сфере безопасности [9]. Особый акцент сделан на политическом сотрудничестве Молдовы с другими нейтральными странами-партнерами [10]. Кроме Молдовы, с Альянсом подписали Индивидуальные партнерские планы действий [11] Грузия, Азербайджан, Армения и Казахстан.

Общественное мнение и политическая элита

Согласно последнему опросу «Барометр общественного мнения», 35,1% респондентов считают нейтралитет наилучшим решением для обеспечения безопасности страны. 22,9% высказываются в пользу вступления в НАТО, а 14,6% отдают предпочтение членству в Организации Договора о коллективной безопасности [12]. Общественное мнение Молдовы оказалось разделенным в вопросе вступления в НАТО или присоединения к российскому военному альянсу. В то время как европейская интеграция явно поддерживается большинством населения, о евроатлантической интеграции этого сказать нельзя. В молдавском обществе отсутствует дискуссия вокруг вопроса евроатлантической интеграции. Вступление в НАТО не является формальным критерием для членства в Европейском Союзе, но стоит отметить, что десять стран, присоединившихся к Евросоюзу в 2004 году, на тот момент уже состояли в НАТО. Ситуация с Румынией и Болгарией была аналогичной. Таким образом, нейтралитет может стать хоть и не самым значительным, но все же препятствием на пути в ЕС.

Из партий, представленных в нынешнем парламенте, только Христианские Демократы выдвинули в марте 2006 года предложение о проведении референдума по вопросу вступления в ЕС и НАТО. Центральная избирательная комиссия отклонила предложение, назвав его антиконституционным, так как подобная инициатива нарушала бы принцип

9. Там же, стр. 26.

10. Там же, стр. 28.

11. 29 октября 2004 года Грузия стала первой страной, подписавшей IPAP с НАТО. За ней последовали Азербайджан (27 мая 2005 года), Армения (16 декабря 2005 года), Казахстан (31 января 2006 года) и Молдова (19 мая 2006 года). Более подробную информацию можно получить по адресу http://www.nato.int/issues/pfp/index. html

12. *Barometrul Opiniei Publice: Republica Moldova — март—апрель 2006*, по заказу Института общественной политики, апрель 2006.

постоянного нейтралитета. До сегодняшнего дня стоящая у власти Коммунистическая Партия не высказывала какого-либо желания изменить нейтральный статус Молдовы, отчасти из-за своих прочных идеологических связей с советским прошлым. Еще недавно НАТО считалось основным военным противником, и, как показывает вышеупомянутый опрос, этот стереотип все еще силен в молдавском обществе. Центристский блок «Alianta Moldova Noastra» не имеет четкой и определенной позиции в вопросе нейтралитета. Некоторые из бывших его членов, например, Виталия Павличенко и Олег Серебрян, высказываются в пользу пересмотра положений о нейтралитете, однако руководство блока выступает за сохранение *status-quo*.

Стоящие у власти коммунистические политики достигли консенсуса в вопросе о том, что расширение отношений с НАТО является желательным, но они же занимают наиболее жесткую позицию, когда речь идет о нейтралитете. Нынешняя политическая элита коммунистов не считает нужным поднимать вопрос о пересмотре статуса постоянного нейтралитета.

Каковы альтернативы нейтралитету?

Европейская интеграция в военной сфере развивается медленно, но на сегодняшний день ЕС уже имеет собственные силы быстрого реагирования. Также разработана Общая политика в области иностранных дел и безопасности (CFSP) и Европейская политика безопасности и обороны (ESDP). Из пятнадцати «старых» стран — членов ЕС, четыре являются нейтральными: Ирландия, Швеция, Австрия и Финляндия. Однако не исключено, что и они пересмотрят принципы своего нейтралитета, чтобы адаптировать их к CFSP и ESDP. Скорее всего, через десятилетие у Евросоюза будет общая военная структура и структура безопасности. До настоящего момента Европейский Союз полагался в решении военных проблем и проблем безопасности на НАТО, Западноевропейский Союз (WEU) и ОБСЕ, либо оставлял их на усмотрение стран — членов ЕС.

Нейтральная страна не принимает той или иной стороны в войне между другими странами, взамен рассчитывая не подвергнуться нападению. Если не считать Приднестровского конфликта (который является «замороженным»), Молдова на данный момент не вовлечена ни в какие военные конфликты. Постоянный нейтралитет Молдовы не был признан международным сообществом. По мнению некоторых исследователей, Молдова должна подтвердить свой нейтральный статус, приняв на себя обязательство не участвовать ни в каких военных конфликтах, равно как и в политических, военных и экономических союзах, имеющих целью подготовку войны; не допускать размещения на своей территории иностранных вооруженных сил; не разрабатывать, не производить и не иметь в своем распоряжении оружие массового уничтожения [13].

13. Юрий Пинтеа, *Оборона и национальная безопасность республики Молдова*, Institutul pentru Politici Publice, Кишинев, 2001. Также см. Интервью Алексея Лунгу и Николая Федериук с Катрин Дюрандин в «Flux», № 43, 3 ноября 2006 года.

Нейтралитет Молдовы можно рассматривать как стратегию, способствующую защите национальных интересов — но проблема в том, что национальные интересы Молдовы так до сих пор и не определены. По мнению Владимира Сокора, нейтралитет Молдовы является скорее изобретением Российской Федерации, которая хочет иметь гарантии того, что Молдова в будущем не вступит в НАТО [14]. Редко бывает, чтобы нейтралитет был четко определен. От нейтралитета до политики неприсоединения — всего один шаг. Гибкая трактовка концепции постоянного нейтралитета, видимо, является лучшим вариантом для Молдовы в сегодняшних условиях. Следующим шагом было вы внесение евроатлантической интеграции в список национальных интересов, что, в конце концов, привело бы к отказу от постоянного нейтралитета и полноценной интеграции в НАТО. Преимущества постоянного нейтралитета для Молдовы неясны. Центральноевропейские и некоторые восточноевропейские страны включили евроатлантическую интеграцию в свои национальные интересы, чтобы удовлетворить свою потребность в большей безопасности. В случае Молдовы, поддержание постоянного нейтралитета может обойтись дороже, чем присоединение к сильному военному союзу, который однозначно мог бы эффективнее обеспечить безопасность молдавских граждан.

Ситуация с Молдовой в определенной мере напоминает ситуацию с Австрией после Второй мировой войны. СССР признал австрийское государство, а советские войска покинули территорию страны только после того, как Австрия гарантировала провозглашение постоянного нейтралитета. Можно предположить, что Российская Федерация выведет свои войска и технику только после того, как Молдова предоставит достаточные гарантии поддержания своего нейтрального статуса в течение длительного времени. Весьма вероятно, что для России этого будет недостаточно, и она предложит особые варианты разрешения конфликта. В этом случае, Молдова может оказаться в ловушке договоренностей, которые сделают ее более уязвимой для давления со стороны Москвы. С другой стороны, Молдова не может увеличить свой военный потенциал и усилить свою безопасность, а также строить какие-либо планы по вступлению в НАТО, до тех пор, пока российские войска находятся на территории Приднестровья, а конфликт остается неразрешенным.

Ион Марандич

Про автора:
Ион Марандич — работает в организации Фонд Сороса — Молдова, редактор Europa.md.

14. Владимир Сокор, *Шесть пунктов плана Воронина, предложенного Путину: обдуманный риск,* Eurasian Daily Monitor, № 183, 4 октября 2006 года. Полный текст статьи доступен по адресу: http://www. jamestown. org/publications_details. php?volume_id=414&issue_id=3876&article_id=2371505

Что там происходит? Идентичность, демократичность и общественная сфера в Республике Молдова

«*Что там происходит?*» Этот вопрос был одним из наиболее часто задаваемых в начале 90-х, когда речь шла о странах Восточной Европы.

«*Что там происходит?*» Это не просто вопрос; это одновременно и ответ, жест отказа, спрятанный — и весьма неглубоко — в самом вопросе.

«*Что там происходит?*» Это — выражение неспособности понять или, если хотите, догадка о том, что то, что там происходит, бросает вызов нашим европейским правилам, нашим критериям, нашим рамкам понимания и действия. Этот вопрос задается не столько для того, чтобы получить ответ, сколько для того, чтобы подчеркнуть невозможность найти удовлетворительный ответ. Иногда, впрочем, его и не нужно искать; или, по крайней мере, его не пытаются искать. В результате, люди действуют так, как они привыкли, как принято действовать *тут*, в Европе — на Западе — в предсказуемом, поддающемся описанию месте, а не так, как принято *там*. Результат несложно предугадать.

Слишком часто организации, проявлявшие интерес к восточному региону, действовали именно так. И слишком часто результаты этих принципиально неадекватных действий оказывались далекими от ожидаемых. И на сегодняшний день ситуация остается все той же.

Сегодня большинство стран Восточной Европы вышли из тени вопроса «*Что там происходит?*». К сожалению, Республика Молдова в это большинство не входит.

«Общественная сфера» — стандарт любого демократического государства. А как обстоят дела с ней в Республике Молдова?

Давайте переведем вопрос в область конкретики. В данной статье будет рассмотрена «общественная сфера Республики Молдова»: из чего она состоит, какова ее структура, как ее можно охарактеризовать. Все это будет рассматриваться в контексте попыток молдавского общества двигаться в направлении евроатлантической интеграции.

Начнем с Юргена Хабермаса. Вся работа немецкого социолога базируется, по сути, на одной концепции: «общественная сфера» (Хабермас 1962, 1981—4).

Этот термин означает следующее. Взяв из психоанализа синтагму «искаженный дискурс» и определив ее в области социологии как идеологию, Хабермас позднее дает последней определение «систематически искаженного общения». Именно оно характерно для несвободных обществ. В противовес этому явлению Хабермас предлагает концепцию «ситуации идеального дискурса» — свободного, неискаженного общения, не имеющего ограничений и не подвергающегося внешнему вмешательству. Все

должны иметь возможность высказываться в таком контексте, все остаются на сцене, а решение должно приниматься путем обмена *аргументами* и заключения разумных «соглашений» — но *ни в коем случае* путем применения *силы*.

Общество (или его отдельные сегменты) общается, посылает и принимает сообщения, обсуждает их, рационально сравнивает и противопоставляет, принимает их, и при этом, повторюсь еще раз, не использует другие, более «сильные» аргументы.

С учетом вышесказанного, общественная сфера сегодня становится местом, где консенсус может быть достигнут (или не достигнут) путем дискурсивных действий. Силой слова, не кулака — подразумевая под «кулаком» любое политическое, экономическое или иное вмешательство.

Несмотря на критику, которой можно подвергать теорию Хабермаса (и которой она, конечно же, была подвергнута), у нее уже есть шанс стать основным стандартом для «оценки функционирования любой демократии и „общественной сферы“» через наиболее широко распространенный способ общественного взаимодействия — *СМИ*.

С этой точки зрения, демократия больше не означает существования количественной общественной сферы на бумаге, мертвого набора достижений, о котором радостно рапортуют. Недостаточно иметь в обществе определенное число газет, журналов, радио — и телеканалов. Это ведь чисто *количественный* критерий! Реальное значение имеет способ организации СМИ, уровень доступа к общественной сфере, практическая возможность эффективно общаться с аудиторией, а также давать ей шанс проявить себя в политической жизни государства. Такой критерий уже является *качественным*. Это, однако, не означает, что количественный аспект можно игнорировать; просто без качественного он становится шатким и, более того, может послужить оправданием для отсутствия демократии — тогда как он должен это отсутствие разоблачать!

Положение дел в Республике Молдова можно рассматривать как хрестоматийный пример действия данной теории.

«Оконная» пресса или феномен «черного ящика»

В республике Молдова существуют СМИ. Этот факт невозможно подвергать сомнению. Да, у нас есть газеты, радио и телевидение. Любой государственный чиновник, занимающийся составлением статистических отчетов или докладов, удовлетворенно улыбнется при мысли об этом (как в знаменитом анекдоте коммунистических времен о сборе урожая: «мы уже закончили собирать урожай в газетах, теперь надо закончить сбор урожая по радио и на ТВ»).

Конечно же, СМИ существуют, и кто мог бы с этим спорить? Но если всерьез рассматривать вышеприведенную концепцию «общественной сферы», то проблема уже не может быть настолько простой.

Согласно всем опросам общественного мнения, проведенным в Кишиневе за последние несколько лет (Барометр общественного мнения, который проводит IPP, Кишинев, а также опросы IRI/Gallup), печатные СМИ являются основным источни-

ком политической информации примерно для 7—8% населения страны. В сельской местности этот показатель для прессы становится заметно ниже общенационального. Радио имеет несколько больший процент популярности в качестве источника информации — около 11% по всей стране, но явным лидером является телевидение: 60—70%, в зависимости от конкретного опроса. По сути, Национальное телевидение Республики Молдова является единственным игроком на рынке политических новостей; около 70—80% населения доверяют ему частично или полностью. Более того, опрос общественного мнения, проведенный IDIS Viitorul в октябре 2004 года, дал шокирующие результаты: лишь 4% респондентов считают синтагму «плюрализм мнений» первой фразой, которая наилучшим образом описывает демократическую систему (3% — второй); для «свободной и независимой прессы» показатель составил 2% и 3%, соответственно.

Как можно «разглядеть» за этими цифрами реальный уровень демократии/демократизации в Республике Молдова? Для начала отметим, что разница между печатными СМИ и аудиовизуальным сектором наличествует в любой демократической стране мира, и Республика Молдова не является исключением из общих тенденций. Однако последнее утверждение может быть *корректным*, но оно не является *правдивым*. Ибо в демократических странах имеется некое подобие конвейера между двумя компонентами СМИ: телевидение и радиостанции несут зрителям и слушателям информацию о большинстве вопросов, освещаемых в прессе. Другими словами, темы прессы также становятся темами аудиовизуальных СМИ, и количественные (процентные) различия между тем, что печатается в прессе, и тем, что говорится по телевидению, очень малы или не существуют вовсе.

И в этом заключается принципиальное отличие СМИ в Республике Молдова от СМИ в реально функционирующих демократиях. В Республике Молдова конвейерная лента между прессой и телевидением (в особенности национальным) отсутствует. По большей части, мы имеем дело с параллельными дискурсами, которые никогда не пересекаются и никогда не противопоставляются друг другу на национальном уровне.

«Общественная сфера» в том понимании, в каком она рассматривается в данной статье, не существует в Республике Молдова. В общественном дискурсе нет свободного доступа (в значении «идеальных типов» Вебера), нет равного доступа субъектов или мнений, нет пространства, в котором субъекты и мнения могут встречаться, где путем обсуждений, дебатов и диалогов рождаются точки зрения и решения. А раз общественная сфера не существует — ибо невозможно сравнивать вес прессы с весом телеканалов, особенно национальных — не существует и публичных речей. Их заменяют монологи, явно отличающиеся своим воздействием: газеты пишут одно, а по телевидению говорится другое. Аргументы и оправдания для решений чаще всего являются чисто политическими (и даже не в том тонком значении, которое придавал этому слову Фуко!), и они не проходят через Кавдинское ущелье общественного диалога (отсюда и квази-несуществующее явление «ток-шоу»).

Повторим еще раз: в Республике Молдова есть печатные СМИ. Однако структурные механизмы, существующие и сохраняющиеся на уровне общества, попросту разносят

идею разнообразия в пух и прах, потому как вес общественных дискурсов невозможно даже сравнивать. Отсюда и очевидный парадокс: несмотря на то, что свободная пресса существует (и многие журналисты могут писать в своих газетах именно то, что хотят), «общественная сфера» отсутствует, и, соответственно, отсутствует реальный плюрализм в СМИ. Мы имеем дело с *демократией «оконной» прессы*, в которой общественные дискурсы, не одобренные властями, имеют ограниченный доступ: они свободно циркулируют в черном ящике, который никогда не могут покинуть. Есть огромное количество авторов и газет, которые по финансовым соображениям обращаются к одной и той же небольшой и ограниченной аудитории с призывом покупать все меньше и меньше газет. Ведь телевидение настолько удобнее и дешевле!

Подводя итог, очевидный парадокс можно сформулировать следующим образом: *в Республике Молдова имеется свободная пресса, но отсутствует демократизация общественной сферы*.

Гражданское общество: *отсутствующее присутствие*

Одним из основных действующих лиц, наполняющих пространство общественного взаимодействия и придающих ему форму, является *гражданское общество*. Справедливо и обратное: существование общественной сферы должно определять и придавать форму тому, что мы сегодня называем «гражданским обществом», то есть социальному пространству, в котором общение, идентичность, интересы и различия свободно смешиваются, находясь за пределами влияния государственно-политической машины (но не обязательно противостоя ей!).

О «гражданском обществе» много говорят в Кишиневе. Однако, с точки зрения тех критериев, о которых идет речь в данной статье, его присутствие в Республике Молдова является всего лишь виртуальным. Это — *отсутствующее присутствие*.

Можно говорить о «присутствии», ибо его подтверждают реальные действующие лица (люди и организации); многие из них способны к диалогу с западными институтами, которые предоставляют им кредиты, финансируют их и причисляют к партнерам по диалогу. И все было бы отлично — если бы в реальности это «присутствие» не нейтрализовалось рассеиванием на уровне «гражданского общества», превращающим его в *отсутствие*.

Это — отсутствующее присутствие, ибо в отсутствии гражданского пространства, в котором оно могло бы проявить себя и которое оно формировало бы в соответствии с потребностями общества, представителем которого оно (также) является, гражданское общество не существует в Кишиневе. Вместо него мы видим разрозненных действующих лиц без достаточного общественного веса. Так же, как и в случае печатных СМИ, здесь имеет место феномен «окна» или «черного ящика». Ассоциации знают друг друга (а иногда даже признают!), они поддерживают друг друга или завидуют своим соперникам, но почти никто не знает о них за пределами их узкого круга. Каковы последствия такой ситуации?

Последствий, в основном, два. Во-первых, в отсутствии общественной сферы,

в которой дискурсы проявляются или сталкиваются и, таким образом, достигают публики, наиболее распространенным средством общения между людьми в Республике Молдова до недавнего времени была улица. Общество, раздраженное отсутствием публичного «микрофона» (телевидения, радио, изданий с большим тиражом), вынуждено выходить на публичную площадь, чтобы к нему если не прислушались, то, по крайней мере, просто услышали. Это явление стало типичным для многих восточных стран после 1990 года, и даже в Румынии оно проявлялось и использовалось.

Во-вторых, учитывая избыточную структурную политизацию общества в Республике Молдова, единственной возможностью для гражданского общества проявить себя стал *политический канал*. И в этом заключается еще один парадокс: чтобы проявить себя в общественной сфере, гражданскому обществу Республики Молдова приходится становиться *политическим*. Только приняв политический облик и, таким образом, заняв политическую позицию, гражданское общество способно выстоять и стать рупором для более или менее единогласного послания.

Отсюда и вывод, что «победы» гражданского общества Республики Молдова только внешне были гражданскими, а реально — *политическими*.

Самым знаменитым эпизодом стала битва за язык и историю, начавшаяся в 1995 году, продолжившаяся в 2002-м и весьма неожиданно закончившаяся. Политическая сторона борьбы явственно видна из слов одного из лидеров демонстраций: «Как бы нам ни хотелось этого избежать, но придется признать фальшивой или, по крайней мере, неполной идею о том, что в сегодняшней Бессарабии разговоры о глотониме «Румынский язык» и этнониме «Румыны» имеют чисто научную природу… Здесь, в Бессарабии, заявление о том, что ты являешься румыном — это политический акт… Здесь можно быть кем угодно, но если ты достаточно упрямый, чтобы быть тем, кто ты есть на самом деле — то есть румыном — ты будешь приводить в ярость всю касту тех, кто пытается создать новую нацию».

Анализ проблемы № 1 — вопрос идентичности

Вопрос *идентичности* в Молдове не поднимался, потому что не существовала (и не существует по сей день) *общественная сфера*, то есть среда, в которой аргументы могли выслушиваться и обсуждаться без политической окраски. Таким образом, сегодня разговоры о преимуществах и недостатках концепций «Румынского языка» / «Молдавского языка» или «Румынской национальности» / «Молдавской национальности» беспредметны, ибо *общественная сфера, в которой могло бы вестись подобное обсуждение, до сих пор не существует*. Поэтому решение вопроса идентичности может быть только косвенным — путем демократизации, которая означает *создание реального пространства для общественного взаимодействия*.

Демократизация общественных институтов, их деполитизация и деперсонализация, свободный доступ *всех* точек зрения ко *всем* средствам массовой коммуникации, создание учебников истории без идеологического вмешательства (которые должны быть написаны специалистами от соответствующих профессиональных ассоциаций,

а не историками того или иного политического режима) — все это должно создать почву для дебатов, отсутствие которых столь явственно ощущается на данный момент в Молдове. Сегодня же при разрешении подобных вопросов в Кишиневе используются не аргументы или здравый смысл, а *политические решения*. Но *указы* можно излечить только *демократизацией* — и мы отлично это знаем из опыта восточных стран! «Примитивный молдавианизм» [1] в республике может быть сравнен — исключительно в показательных целях — с «национал-коммунизмом» и его историками в Румынии коммунистических времен. За ними всегда было последнее слово, потому что никто не мог им официально возразить. Они были историками режима, и их слова были *политическими*, а не историческими. Но теперь, после демократизации Румынии, не осталось больше ни их самих, ни написанных ими книг. Кто еще о них говорит? Никто!

Сегодня в бывшем коммунистическом государстве дискуссия идет более свободно, и, хоть и не существует единогласие (а оно может существовать только при диктатуре), созданы *рамки* для реальных дебатов. Аналогичное решение необходимо и для Республики Молдова, по крайней мере, в среднесрочной перспективе — *демократизация общественной сферы* и создание реальной основы для дискуссии, в том числе и по вопросу идентичности.

В данном контексте необходимо подчеркнуть, что *инициативы международных организаций (которые исходят из лучших намерений) по разрешению проблемы идентичности до решения проблемы демократизации общества являются ошибкой*. Они не способны окончательно разрешить проблему, более того, они могут породить опасную идею о том, что европейские организации готовы пожертвовать священными демократическими нормами в своем собственном доме ради сохранения иллюзорной стабильности в этом регионе.

Ибо нигде и никогда — а в особенности на Востоке — проблемы идентичности (национальной или религиозной) не решались «сверху вниз»…

Анализ проблемы № 2: учебники по «интегрированной истории»

В 2006 году в Республике Молдова были введены новые учебники по так называемой «Интегрированной истории», заменившей собою два предмета — «Историю румын» и «Всемирную историю». Это решение привело к расколу в обществе.

По одну сторону баррикад оказалось большинство историков, критиковавших учебники по «Интегрированной истории» (основанные на советских предшественниках) и то, как они вводились — без реального общественного обсуждения. По другую сторону баррикад встали близкие к Коммунистической партии историки, поддержавшие введение новых учебников.

Повторим еще раз: *вопрос заключается не в том, кто прав, а кто — неправ, а в том,*

1. «Примитивными молдавианистами» называют в Кишиневе историков, которые, к примеру, заявляют, что румынский язык отличается от «Молдавского языка» (что является всего лишь новой интерпретацией советской идеологии). Сегодня они являются *официальными* историками.

существует ли среда, в которой эти две позиции могут равноправно развиваться.

Оправданием для тех, кто поддерживает учебники по «Интегрированной истории», служит лозунг «Европа требует этого!». И это, на самом деле, даже не ложь… это полуправда, которая еще опаснее лжи. Потому что, естественно, Европа требует ввести изменения в систему образования в Республике Молдова, чтобы привести ее в соответствие с европейскими нормами. Но не только *отдельные* изменения, выгодные на данный момент коммунистическим лидерам!

Всего лишь один пример. На сегодняшний день в Кишиневе систематически игнорируется одна из европейских норм, касающихся децентрализации и отмены политической/идеологической монополии в сфере образования, а именно — *введение в Республике Молдова реально действующей системы «альтернативных учебников»*, так, как это сделано в других странах. В республике Молдова до сих пор есть один учебник, выбранный и одобренный правительством, которое через экономические и финансовые механизмы может навязать любой учебник, какой пожелает — и только такой. Все другие учебники, существующие в тот или иной момент времени, не финансируются правительством; поэтому ученикам приходится за них платить. Чего, естественно, никто не делает, особенно в сельских районах. Более того, коммунистическое правительство может вытеснить с рынка даже те учебники, которые финансируются из негосударственных источников, при помощи простой процедуры: достаточно снова включить историю в список предметов, по которым сдаются выпускные экзамены в школе, и выбрать экзаменационные вопросы исключительно из учебника «Интегрированной истории», одобренного правительством… И в таком случае учителям и ученикам не останется другого выбора, кроме того, который за них сделало правительство!

Отсутствие реального и эффективного механизма «альтернативных учебников» — добавим сюда тот факт, что все три издательства, печатающие учебники по «Интегрированной истории», принадлежат государству — приводит к тому, что образование в Кишиневе (в особенности историческое) остается *политическим*.

Невозможно поддерживать изменения в программе предмета «история» в Республике Молдова, не интересуясь контекстом этих изменений, более того — не проявляя беспокойства по поводу того, что государство остается монополистом во всех аспектах образовательной сферы. В таких обстоятельствах любая дискуссия на данную тему может привести к прямо противоположному результату, а именно — к узакониванию государственной монополии и тех, кто ее поддерживает, как на уровне общественной сферы, так и на уровне введения курса интегрированной истории.

Заключение: Республика Молдова — общество, над которым доминирует *власть*, а не *политика*

Единственным решением для всех противоречий и парадоксов, описанных в данной статье, является демократизация, ибо она означает, по сути, создание реального пространства для взаимодействия между людьми — *общественной сферы*. Демократизация общественных институтов, их деполитизация и деперсонализация, свободный доступ

к средствам массовой коммуникации — все это создаст дискуссию, которая является столь необходимой, и которая на данный момент реально отсутствует в Республике Молдова. Ибо на сегодняшний день не аргументы или здравый смысл используются или использовались для решения многих вопросов в Кишиневе, а *политические* решения.

Как я уже говорил выше, единственным средством для излечения *указов* является *демократизация*. И мы это знаем из всего восточного опыта.

Реальная демократия все еще не построена в Республике Молдова — ни в плане диалога, ни в плане принятия решений. Молдова остается обществом, в котором доминирует *власть* (не только в политическом значении этого слова!), а не отношения между гражданским и политическим сектором, лежащие в основе западных демократий, созданных и утвердившихся в евроатлантическом пространстве.

Дан Дунгачиу

Про автора:

Дан Дунгачиу — научный сотрудник Института политических наук и международных отношений — Румынская академия, автор многочисленных изданий.

Новые инициативы — ключ к успеху

Объявленная в 1985 году политика перестройки выявила глубокие, антагонистические противоречия среди населения ССР Молдавии (МССР). В тот период наиболее громко заявил о себе сегмент национальной интеллигенции, который воспринял ослабление власти Кремля как шанс объединиться с Румынией по образцу 1918 года. Однако, невзирая на интенсивную медиатизацию этого сценария, абсолютное большинство населения МССР панически боялось объединения с Румынией. В подтверждение этого вывода можно привести результаты всех парламентских выборов, начиная с 1994 года, — ни разу, ни одна политическая партия под лозунгами объединения с Румынией не преодолела избирательный порог и не получила представительства в Парламенте. Следует отметить, что в МССР не существовала хотя бы отчасти влиятельная оппозиция по отношению к коммунистической идеологии, а абсолютное большинство населения, независимо от этнической принадлежности, не воспринимало факт нахождения МССР в составе СССР как акт оккупации. Более того, в индустриальных центрах левобережья Днестра (Приднестровье) был очень высок процент русскоязычного населения, которое категорически было против превращения МССР в независимое государство. Большинство же представителей титульной нации (83%) было сконцентрировано в сельской местности, в колхозах и совхозах. Также для этой категории населения был свойственен самый низкий процент представителей с высшим образованием.

В условиях развала СССР провозглашение 27 августа 1991 года независимости было воспринято как наименьшее из зол зол по сравнению с альтернативой объединения с Румынией. В то же время после того, как Парламент Республики Молдова принял 23 июня 1990 года Декларацию о суверенитете, Кремль сумел спровоцировать сепаратизм в индустриальных центрах Приднестровья с целью заставить Кишинев подписать «обновленный союзный договор». В результате в Приднестровье был установлен репрессивный шовинистический режим с этническими чистками и физическим уничтожением любой оппозиции. Летом 1992 года Российская Федерация совершила акт агрессии против Республики Молдова и *де факто* оккупировала 12% ее территории. Эти события завершились подписанием в Москве 21 июля 1992 Соглашения [1] о принципах мирного урегулирования вооруженного конфликта в приднестровском регионе Республики Молдова. Российская Федерация навязала, а руководство Республики Молдова пассивно согласилось с намеренно искаженной схемой восприятия Приднестровского конфликта, из которой следует, что этот конфликт, якобы, внутренний, между населением правого и левого берегов реки Днестр, и что Российская Федерация не является агрессором и реальной стороной в конфликте, а всего лишь «посредником» в переговорном процессе.

На протяжение пятнадцати лет с момента обретения независимости Республика Молдова не сумела решить проблему своей экономической и энергетической безопасности. Иллюзия экономического роста в Республике Молдова основывается исключи-

1. Г. Н. Перепелица, Конфликт в Приднестровье, «Стилос», Киев, 2001, стр. 71.

тельно на росте потребления, основанном на посылаемом из-за пределов Республики Молдова потоке заработанных ее гражданами денег. Руководство Молдовы оказалось неспособным извлечь уроки из финансового 1998 года кризиса в России, который очень тяжело отразился на молдавской экономике, ориентированной на преимущественно российский рынок. Также руководство Республики Молдова не предусмотрело возможность «асимметричных» ответов со стороны России в ответ на попытки Кишинева предпринять конкретные шаги в сторону решения приднестровской проблемы. В итоге, Республика Молдова не имеет товаров, с которыми могла бы выйти на другие рынки (ЕС, в первую очередь) в ситуации, когда Россия начала экономическую войну против Республики Молдова с целью склонить ее к уступкам в проблеме Приднестровья. Можно констатировать, что создание молдавской государственности еще нельзя рассматривать как завершенный процесс. Среди бывших советских республик Республика Молдова является единственной, в которой национальная идентичность представителей титульной нации является предметом политических интерпретаций и конфронтации; часть территории Республики Молдова (около 12%) остается под военной оккупацией Российской Федерации. В то же время, всячески декларируя про-европейскую направленность, Кишинев не может найти верную тональность во взаимоотношениях со своим соседом — Румынией, которая с 1 января 2007 года становится членом ЕС.

В Республике Молдова существуют значительные проблемы в функционировании правового государства и политической демократии. Общество, унаследовавшее от тоталитарного прошлого угрожающе низкий уровень гражданской культуры, оказалось неспособным воспользоваться механизмами демократии. В качестве подтверждения этого можно привести данные социологического опроса [2], проведенного в январе 2001 года, перед реваншем Партии Коммунистов (ПКРМ) на парламентских выборах 25 февраля 2001. Так 69% опрошенных заявили, что до обретения независимости «ситуация с правами и свободами была лучше». А в 2002 году на вопрос, «Сколько политических партий необходимо иметь в Молдове?», только 17% ответили «Больше чем одна». Логическим результатом глубокого разочарования, основанного на неспособности общества в целом воспользоваться инструментами политической демократии и рыночной экономики, стал политический реванш ПКРМ, которая, имея агрессивно-антидемократическую предвыборную платформу, получила 50,07% голосов и 71 место из 101 в Парламенте. В дополнение к этому следует добавить, что все три демократически избранных молдавских президента являются выходцами из бывшего Центрального Комитета Компартии Молдавской ССР. Также большой проблемой для молдавской демократии является слабость оппозиции и отсутствие в политическом центре жизнеспособных доктринальных политических партий.

Коммунистическая власть и европейская перспектива?

В 2003-м году произошло принципиальное изменение как внутри-, так и внешнеполитической конъюнктуры Молдовы. Во-первых, ЕС пришел к выводу о необходимости

2. Barometrul de Opinie Publică, Republica Moldova, Ianuarie 2001, www.ipp.md.

выработки особой политики по отношению к странам (Республика Молдова, Украина и Белоруссия), которые станут соседями после очередного расширения ЕС. В то же время, ЕС осознал риски, связанные с перспективой существования Приднестровского конфликта у своей восточной границы. Как следствие, 27 февраля 2003 года ЕС совместно с США ввели запрет на перемещение по своим территориям для 17-и представителей администрации из Приднестровья. Также при активном содействии ЕС 15 мая 2003 года Государственный Таможенный Комитет Украины и Таможенный Департамент Республики Молдова подписали Протокол о взаимном признании таможенных документов (что должно было заставить экономических агентов из Приднестровья получать эти документы в Кишиневе, предварительно зарегистрировавшись в Государственной Регистрационной Палате Республики Молдова).

Еще более радикальные изменения произошли во внутриполитической жизни в Молдове. Причиной этому послужил срыв намеченного на 25 ноября 2003 подписания документа, получившего известность под названием «Меморандум Козака». Дмитрий Козак в качестве доверенного лица президента России Владимира Путина и по просьбе Владимира Воронина, Президента Республики Молдова, взял на себя роль посредника между Кишиневом и Тирасполем в поиске решения Приднестровской проблемы. Итогом этой конфиденциальной челночной дипломатии явился «Меморандум Козака», который готовы были подписать как Президент Молдовы, Владимир Воронин, так и, по указанию из Кремля, Игорь Смирнов, лидер Приднестровья. Появление этого Меморандума явилось неприятным сюрпризом для ЕС и США, ибо он предусматривал превращение Молдовы в совершенно нефункциональную псевдо-федерацию и, вдобавок, гарантировал российское военное присутствие у границы НАТО и ЕС. Утечка информации о планах подписания этого Меморандума в присутствии Владимира Путина спровоцировала консолидацию оппозиции — был создан Национальный Комитет по защите независимости и Конституции Республики Молдова, объединивший большинство оппозиционных партий, и началась подготовка к массовым акциям протеста, в том числе с планами перекрыть взлетную полосу в аэропорту с целью недопущения прилета Путина и пр. В итоге, из-за внутреннего и внешнего политического давления, Владимир Воронин в последний момент отказался от подписания Меморандума Козака, что стало причиной фактического разрыва отношений с Кремлем почти на три года. Потеря поддержки со стороны Кремля, «цветные революции» в Грузии и Украине, предопределили радикальное изменение позиции Президента Воронина, который хотел избежать «цветной революции» в Республике Молдова во время парламентских выборов, назначенных на 6 марта 2005 года. Декларирование европейской интеграции в качестве стратегического приоритета для Молдовы нейтрализовало оппозицию и позволило ПКРМ повторно победить на парламентских выборах.

Ситуация начала радикально изменяться для Молдовы в связи с подписанием Планов Действии ЕС-Республика Молдова [3] и ЕС-Украина [4]. Используя изолированность

3. http://www.mfa.gov.md/img/docs/planul_actiuni_ro.pdf

4. Г. Н. Перепелица, Конфликт в Приднестровье, «Стилос», Киев, 2001, стр. 71.

Приднестровья от России, ЕС начал последовательную политику по обеспечению безопасности своих границ посредством содействия усилению контроля за молдо-украинской границей (1222 км), в том числе и за приднестровским участком (452 км), который не контролируется Республикой Молдова. Так, 7 октября 2005 года был подписан трехсторонний Меморандум [5] (ЕС, Украина и Молдова) о создании Миссии ЕС по оказанию поддержки на границе (Memorandum of Understanding between the European Commission, the Republic of Moldova, and Ukraine paving the way for the launch of a EU Border Assistance Mission). Появление этого принципиально нового механизма позволило, начиная с 3-го марта 2006, вернуть таможенный режим на приднестровском участке молдо-украинской границы в правовое поле Республики Молдова. Также с сентября 2005 года ЕС и США получили статус наблюдателей в пятистороннем формате (5 + 2) переговорного процесса. Конечно, этот формальный статус не повлиял на решение конфликта. Но сам факт, что Россия вынуждена была согласиться с формальным участием ЕС говорит об изменении ситуации вокруг Республики Молдова.

Подписание Плана действий ЕС-Республика Молдова значительно повлияло и на внутриполитическую ситуацию в Молдове. ПКРМ вынуждена ограничить свои авторитарные инстинкты; власть стала более восприимчива к инициативам и позиции гражданского общества, а политическое противостояние между различными партиями стало менее агрессивным. Также важно, что по данным социологических опросов более 70% населения готово проголосовать в случае проведения референдума за вступление Республики Молдова в ЕС. Другими словами, приближение ЕС к Республике Молдова и первые примеры совместных действий существенно изменили настроения в молдавском обществе и повлияли на поведение властей. Конечно, ситуация далека от нормальной. Во-первых, потому что эти изменения не являются результатом внутренней демократизации общества, а его реакцией на внешние факторы. В 2009 году должны состояться очередные выборы в Парламент и также истекает второй мандат Президента Владимира Воронина. В условиях слабости нынешних оппозиционных партий и неизбежного ослабления позиций ПКРМ это рискует спровоцировать длительный период политической нестабильности при сохранении негативного влияния со стороны России через приднестровскую проблему, «газовый» шантаж и пр. Поэтому, сегодня можно говорить скорее об осторожном оптимизме на счет перспектив молдавской государственности и ее европейской перспективе, нежели о гарантиях.

Оазу Нантой

Про автора:
Оазу Нантой – директор програм в Институте общественой политики

5. http://www.mfa.gov.ua/mfa/ua/publication/content/2820.htm

ЕС и Молдова: туманные перспективы и явные недочеты

Короткая история отношений между Молдовой и Европейским Союзом характеризуется, в основном, упущенными возможностями и спорадическими действиями с обеих сторон, заменившими собой стратегический диалог. В первый год своей независимости Молдова полностью игнорировалась Евросоюзом, и не только потому, что страны-члены ЕС имели более крупные интересы в Центральной Европе или на Балканах, но и потому, что Молдова не смогла разработать четкую европейскую внешнюю политику, ориентированную на вступление в Евросоюз и стратегическое партнерство с входящими в него странами.

Согласно оценке Европейской Комиссии Молдова отстает по выполнению реформ, оговоренных в индивидуальных Планах действий, не только от соседней Украины, но и от таких стран, как Иордания или Марокко. Отношения между Молдовой и ЕС приближаются к критической точке, с неясными перспективами относительно последней фазы плана и ее удовлетворительного выполнения. Руководству Молдовы пора всерьез задуматься о проведении трансформации страны, известной под названием «европеизация». Кишинев должен сделать акцент на качестве проводимых реформ, что выгодно отличит Молдову от Украины (и других стран с перспективами членства в ЕС) и позволит ей получить более серьезные предложения от Евросоюза, а именно — участие в работе его структур и, в конечном итоге, членство в ЕС.

В долгосрочной перспективе Молдова должна стремиться стать полноправным членом Европейского Союза. Во-первых, будучи европейской страной, она может подать заявку на членство согласно Статье 49 Договора о Европейском Союзе. Во-вторых, конфликт в Приднестровье создает серьезную угрозу для безопасности в регионе, поэтому и Молдова, и ЕС заинтересованы в дальнейшем сотрудничестве для решения этой проблемы. В свою очередь, Евросоюз сможет достичь своих целей по распространению демократии, стабильности и мира среди своих соседей. Для Молдовы жизненно важно не упустить на этот раз возможности, которые предоставляются ей на последнем этапе выполнения Плана действий ЕС-Молдова.

Молдова: упущенные возможности

В 1994 году Молдова подписала с Евросоюзом Договор о партнерстве и сотрудничестве (PCA). Этот документ, определяющий основы двусторонних отношений, вступил в силу в июле 1998 года сроком на 10 лет [1]. Несмотря на потенциальные преимущества, которые Молдова могла получить в результате реализации положений PCA, подписание Договора не дало ни четкой конечной цели отношений между Молдовой и ЕС (то есть, членства

1. Евросоюз отложил ратификацию из-за войны в Чечне 1994 года.

в Евросоюзе), ни перспективы открытия зоны свободной торговли. Более того, запланированное региональное сотрудничество и интеграция так и не стали реальностью, а ситуация в СНГ развивалась в прямо противоположном направлении; вдобавок, PCA не дал Евросоюзу ожидаемых рычагов влияния на развитие событий в регионе [2].

В 2003 году механизмы PCA/TACIS были дополнены Европейской политикой соседства (ENP), изначально задуманной Швецией и Британией как инициатива «Более широкой Европы» и позднее получившей известность как «Политика близости» и «Новая политика соседства» [3]. Эта политика заложила на ближайшее десятилетие основу для отношений Евросоюза с его будущими соседями, которые на данный момент не имеют перспектив членства в ЕС, но скоро станут непосредственно граничить с ним (в случае с Молдовой это произойдет, как только Румыния вступит в Евросоюз в январе 2007 года). Еврокомиссия отказалась пролить свет на возможность вступления какой-либо из этих стран в ЕС [4], предложив «кругу друзей» участие в политике ЕС, но не в его структурах [5]. Однако, комиссия предложила вариант предоставления соседним странам доли во внутреннем рынке ЕС с перспективой подписания Соглашения о свободной торговле при условии наличия реального прогресса и эффективного проведения политических, экономических и институционных реформ в сфере «общих ценностей». Несмотря на то, что дифференциация между странами была особо подчеркнута, один и тот же документ регулирует отношения с восточными и южными пограничными регионами; в результате создается впечатление, что Молдова поставлена на одну ступеньку не только с Украиной и Беларусью, но и с такими странами, как Марокко. Это привело к определенному разочарованию в Кишиневе, ибо при подобной раскладке шансы Молдовы получить членство в ЕС заметно уменьшались.

Для обеспечения выполнения ENP были разработаны индивидуальные Планы действий. Молдова стала первой страной, успешно завершившей переговоры по подобному документу 21 февраля 2005 года. План действий ЕС-Молдова был подписан в Брюсселе 25 февраля сроком на три года и определял программу комплексных реформ — политических, экономических, социальных, торговых, рыночных, а также в сфере правосудия, свободы и безопасности [6].

---

2. Рональд Даннройтер, «Создание альтернативы расширению: Европейская политика соседства», European Foreign Affairs Review, № 11, 2006 г.
3. Прокладывание пути для Договора о новом соседстве, «Расширение европейского соседства: новые основы для отношений с нашими восточными и южными соседями», Март 2003 года, http://europa. eu. int/comm/external_relations
4. В программу ENP входят 16 стран с общим населением в 400 миллионов человек: Молдова, Украина, Беларусь, Алжир, Тунис, Ливия, Сирия, Марокко, Иордания, Израиль, Палестинская Автономия, Египет, Ливан, Армения, Азербайджан, Грузия.
5. Речь Романо Проди, экс-президента Европейской комиссии, «Перспективы трансатлантических отношений», 24 июня 2003 года, http://ec.europa.eu/comm/external_relations/news/prodi/sp03_322.htm
6. В первый год выполнения Плана действий ЕС назначил специального представителя в Молдову, в основном для решения вопросов, связанных с переговорами по Приднестровскому конфликту. Кроме того, Евросоюз вместе с США принял участие в переговорах в качестве наблюдателя в формате «5 + 2», и учредил Миссию по пограничной помощи для работы на молдово-украинской границе. В октябре 2005 года Еврокомиссия открыла свое представительство (делегацию) в Кишиневе.

Целью документа являлось максимальное приближение страны к демократическим принципам и европейским стандартам. План действий также затронул сотрудничество и реформы в области транспорта, энергетики, защиты окружающей среды, научно-исследовательской деятельности, гражданского общества, образования, здравоохранения и культуры. Атмосфера «совместного владения» была главным принципом, которого добивалась Еврокомиссия, ибо она придавала силу процессу. «По мере того, как партнеры активно участвуют в переговорах и выполнении Планов действий, их ожидания и приоритеты становятся яснее, и они формулируют свои цели более точно; все это готовит их к более тесному политическому и экономическому сотрудничеству с ЕС» [7]. Финансовым механизмом ENP стал Акт о европейском соседстве и партнерстве, который, в частности, направлен на поддержку выполнения Планов действий, с бюджетом почти 12 миллиардов Евро на 2007—2013 гг [8]. Среднесрочное подведение итогов ENP в конце 2006 года будет, помимо прочего, включать в себя обсуждение прогресса Молдовы и общую оценку достижений и неудач политики, с перспективой разработки следующего плана ЕС для Молдовы, начиная с 2008 года.

ЕС: потенциал интеграции — на первом плане

У истоков ENP стоит расширение ЕС в 2004 и 2007 годах, которое поставило перед Евросоюзом ряд проблем, связанных с его будущими соседями — в первую очередь, в сфере безопасности, пограничного контроля и иммиграции, а также политико-экономического диалога. Тем не менее, расширение было лишь одним из факторов, которые привели к запуску ENP. Кризис «углубления», ставший следствием громкого отказа Франции и Нидерландов подписать Конституционный договор (предполагавший дальнейшее расширение) в 2005 году, привел к периоду размышлений в странах блока [9]. Более того, по мнению Джудит Келли, ENP разрабатывалась на фоне относительной слабости предыдущих политических стратегий, направленных на защиту прав человека и пропаганду ценностей демократии и верховенства права. Еще одной причиной появления ENP стали стратегические соображения и вопросы безопасности; еще в первой Европейской стратегии безопасности, принятой в 2003 году, указывалось, что «интеграция новых стран в ЕС усиливает нашу безопасность, но в то же время приближает границы Евросоюза к проблемным регионам» [10]. В то же время, ENP считалась политикой для «соседей», призванной регулировать отношения с географически граничащими государствами, а не «политикой соседства», имеющей целью тесное

7. Рутгер Виссельс, «Развитие Европейской политики соседства», Внешняя политика в диалоге: новая политика соседства ЕС, http://www.deutsche-aussenpolitik.de, 27 июля 2006 г.
8. Это означает реальное увеличение объема финансирования на 32% по сравнению с периодом 2000—2006 года. Там же.
9. Позиция Франции, в частности, оценивалась многими как голосование не только против текста конституции, но и против расширения ЕС, которое имело место годом ранее. Гидеон Рахман, «Смерть расширения», The Washington Quarterly, лето 2006.
10. Безопасная Европа в лучшем мире — Европейская стратегия безопасности, 12 декабря 2003 года.

взаимодействие и сотрудничество либо перспективы вступления в ЕС для некоторых стран. Региональное сотрудничество в ее рамках было довольно ограничено, а механизм регулярных встреч между странами- «соседями» и вовсе отсутствовал [11].

Несмотря на то, что ENP планировалась как политика объединения, а не проведения новых разделительных черт в Европе, в реальности она начала работать против расширения ЕС, оставив его восточных соседей — к примеру, Молдову, Украину и Грузию — за пределами Евросоюза, и в то же время не дав им четкой перспективы членства в нем [12]. Отсутствие «приманки» в виде возможности вступления в ЕС стало основным объектом критики со стороны тех, кто хотел подчеркнуть *недостающие* в ENP элементы. При отсутствии четких обязательств и критериев (т. е. достаточной обусловленности), эта политика не смогла стать достаточным стимулом для внутренних реформ, а ее успех оказался зависимым от ограниченных возможностей и слабой политической воли, характерной для большинства стран, участвующих в ENP.

Расширение в коротко — и среднесрочной перспективе

И все же, основным предметом дискуссии, связанным с ENP, остаются границы ЕС. От ответа на вопрос «Насколько большим быть Евросоюзу?» зависит не только судьба самой политики соседства и расширения ЕС, но и принятие решений, утверждение будущих бюджетов и проведение институционных реформ. Например, в коммюнике по Стратегии расширения, принятом Еврокомиссией в ноябре 2006 года [13], не указывается, где закончится расширение Европы и не дается четкого определения понятия «европеец». Доклад исключает новое расширение в таких масштабах, как в 2004 году, но подчеркивает превалирование европейских ценностей над географическим положением, что теоретически дает возможность таким странам, как Молдова или Украина, подать заявку на членство в ЕС [14]. Однако, подобное расширение невозможно без реформирования Евросоюза [15], а термин «потенциал интеграции», заменивший действовавший с 1993 года «потенциал поглощения» [16], ста-

11. Карен Е. Смит, «Аутсайдеры: Европейская политика соседства», International Affairs, 2005 г.
12. Суть ENP — не в расширении. У ЕС всегда будут соседи. Джудит Келли, «Новое вино в старом бурдюке: поддержка политических реформ через Новую европейскую политику соседства», JCMC 2006, том 44, № 1.
13. http://ec.europa.eu/enlargement/pdf/key_documents/2006/Nov/com_649_strategy_paper_en.pdf, коммюнике Еврокомиссии Европейскому парламенту и Совету Европы, «Стратегия расширения и основные препятствия на пути к ее осуществлению 2006—2007», Брюссель, 8.11.2006 г.
14. Оана Лунгеску, Comisia Europeană evaluează viitorul extinderii UE, www.bbc.ro, 8 ноября 2006 г.
15. Добавление новых стран в существующую структуру просто ослабляет имеющиеся связи и снижает эффективность Союза. Питер Сейн Лей Берри, «Насколько большим может быть ЕС?», EU Observer, 17 ноября 2006 года.
16. Данный термин считался слишком односторонним и стал синонимом негативного отношения к расширению. Хонор Махони, «Брюссель займет более защитную позицию в отношении расширения», EU Observer, 8 ноября 2006 г.

нет новым критерием для определения возможности вступления той или иной страны в ЕС. «Евросоюзу надо работать над собственным экономическим и политическим возрождением, а не превращать расширение в «козла отпущения» для внутренних проблем», считает г-н Олли Рен, ответственный за расширение в Еврокомиссии [17]. Это означает, что таким странам, как Хорватия или Македония, не стоит рассчитывать на вступление в ЕС ранее, чем через 5 лет, а перспективы других балканских государств являются в лучшем случае среднесрочными.

Кроме того, обещание французского правительства выносить на референдум все будущие предложения о расширении ставит под сомнение перспективы принятия новых стран в ЕС, учитывая растущий скептицизм европейцев по этому вопросу. Как пишет Джерен Балт, «избалованные жители «Старой Европы» и богатых стран-членов ЕС больше не хотят платить за малопонятных, неизвестных людей с Востока, которые осмеливаются мечтать о более обеспеченном будущем и готовы наводнить Запад, отобрав рабочие места у его коренных жителей» [18]. Недавние дискуссии в Великобритании о польских работниках, а также о возможном наплыве рабочей силы из Румынии и Болгарии заставили правительство пересмотреть политику «открытых дверей» в сторону постепенного открытия рынка.

Учитывая призывы к Брюсселю отказаться от «политики щедрости» и начать говорить «нет» странам вроде Болгарии или Румынии, которые показали свою неготовность к расширению ЕС из-за недостаточных реформ в таких критически важных сферах, как борьба с коррупцией, правосудие и внутренние дела, главным пунктом повестки дня Евросоюза становится вопрос о том, что будет с остальными странами, которых теперь все чаще и чаще называют «аутсайдерами»?

Что дальше?

PCA

Срок Плана действий истекает в феврале 2008 г., а PCA — в июле того же года. По этой причине актуальным стает вопрос о будущих механизмах взаимодействия ЕС и Молдовы, особенно учитывая неопределенность критериев оценки прогресса (которые «не могут считаться четкими» [19], и отсутствие в Плане конкретных указаний на случай того, если страна не сумеет выполнить взятые на себя обязательства по проведению реформ.

На момент написания данной статьи среди стран-членов ЕС интенсивно обсуждается несколько возможных сценариев обновления ENP до ENP+ или даже

17. Г-н Олли Рен, «Будущие границы Европы», лекция в Финском институте международных дел, Хельсинки, 2006 г.
18. Джерен Балт, «Болгария и Румыния войдут в состав ЕС — но что будет с другими?», 15 октября 2006 г., http://www.worldpress.org/Europe/2524.cfm#down
19. Карен Е. Смит, «Аутсайдеры: Европейская политика соседства», International Affairs, 2005 г.

до Договора об интеграции, который оставит открытой долгосрочную перспективу членства в Евросоюзе. Со стороны Молдовы Министерство иностранных дел и европейской интеграции четко обозначило свое намерение добиваться от Брюсселя подписания Соглашения о стабилизации и ассоциации — первого юридического шага на пути к получению статуса кандидата — а также однозначного признания и предложения перспективы вступления в ЕС. Молдова не желает быть частью Европейской политики соседства или другой подобной политики, которая оставит ее за пределами ЕС в «кругу друзей»; вместо этого, она хочет стать членом европейской семьи и поднять отношения до уровня юридически обязательного соглашения — такого, какое было предложено балканским странам [20].

В любом случае, PCA будет продолжать играть роль основного документа, определяющего формат двусторонних отношений, с возможностью автоматического продления еще на один год. Дальнейшая эволюция ENP должна проходить с учетом недостатков, выявленных при осуществлении данной политики, а именно — ограниченного прогресса в создании «круга друзей» и недостаточного уровня реформ в таких ключевых областях, как верховенство права, борьба с коррупцией, защита прав человека, свобода прессы и иммиграция. Также необходимо введение принципа дифференциации между европейскими государствами — Молдовой, Украиной и южно-кавказскими странами — которые разделяют европейские ценности и ставят перед собой цель вступления в ЕС, и соседями Евросоюза в средиземноморском регионе, у которых подобные цели отсутствуют.

ENP+

ЕС объявил, что он обновит и улучшит ENP и отношения со странами-партнерами, но не станет принимать новые страны в Союз. ENP+ будет работать параллельно с другими соглашениями в отдельных областях [21], таких, как свободная торговля, упрощение визового режима, взаимосвязь транспортных и энергетических систем. Такой подход, несомненно, разочарует Кишинев, ибо молдавское руководство убеждено, что только полноправное членство в ЕС является достаточным для проведения необходимых изменений.

Можно спорить о том, что отсутствие в ENP «приманки» в виде перспективы членства, скорее всего, не поможет ни в борьбе с бедностью и коррупцией, ни в построении демократии в стране, ибо у «всех, кроме структур власти» отсутствует потенциал

20. Документы, входящие в План действий, подписываются обеими сторонами, но не ратифицируются (что придало бы им статус договоров). «Новое соглашение между ЕС и Россией: почему, что и когда?», CEPS Policy Brief, № 103, Май 2006 г.

21. Будучи частью Общей системы преференций (GSP+) с января 2006 года, Молдова в данный момент ведет переговоры с ЕС по Автономным торговым преференциям, чтобы в итоге заключить в 2007 году Соглашение о свободной торговле. Еще одним предметом текущих переговоров является упрощение визового режима.

для адекватного вознаграждения за реформы [22]. Однако, в последней фазе выполнения Плана действий, такая аргументация противоречит европейским планам Молдовы, ибо стране необходимо приспосабливаться к нормам и стандартам Евросоюза как раз по той причине, что она считает себя частью европейской семьи и разделяет европейские ценности. Изменения не могут и не должны навязываться извне, потому что такой подход не может гарантировать их устойчивость; более того, неспособность внедрения европейских принципов внутри страны послужит лишь доказательством того, что Молдова — недостаточно европейская страна, чтобы принимать ее во внимание при проведении будущего расширения ЕС.

Молдова — это страна, в которой демократические принципы, такие, как свобода СМИ, справедливые выборы и открытое общество, имеют очень слабые корни. Свободная рыночная экономика и деловой климат также далеки от идеала. Теневая демократия с президентской администрацией в качестве авторитарного режима заставляет Молдову балансировать между реальными реформами, которые приблизили бы страну к ЕС, и групповыми интересами, ведущими к укреплению внешней политики России в регионе.

Усилившееся присутствие ЕС в Молдове в последние годы (открытие посольств стран-членов Евросоюза в Кишиневе, учреждение Делегации ЕС, назначение Специального представителя ЕС, участие Евросоюза в качестве наблюдателя в переговорах по Приднестровскому вопросу, начало работы Миссии ЕС по пограничной помощи) существенно сократило участие России в процессах, происходящих в регионе. Однако среди молдавских лидеров все еще наблюдается тенденция возводить во главу угла противопоставление ЕС и России вместо того, чтобы сконцентрироваться на проведении реформ и необратимых изменений, которые прочно свяжут внутреннюю структуру страны с европейской. Кроме того, это послужит долгосрочным решением деликатного вопроса взаимоотношений с Россией, который в данный момент стоит перед Молдовой.

Румыния — единственная соседняя страна, включенная в программу расширения ЕС на восток в 2007 году — должна стать движущей силой для возвращения Молдовы «назад в Европу» путем поднятия вопросов о проведении реформ и необходимости выполнения обязательств, касающихся приближения страны к европейским ценностям. В то же время у Кишинева налажены особые отношения с балтийскими государствами, которые потенциально способны лоббировать интересы Молдовы в Евросоюзе, ибо они понимают деликатное положение Молдовы в отношениях с Россией, и готовы вместе с Румынией поддержать заявку Молдовы на членство в ЕС.

Для достижения поставленной цели Молдове необходимо предпринять реальные действия по поднятию своего статуса в глазах стран-членов ЕС, потому что Евросоюз не склонен делать щедрые жесты без серьезных и убедительных причин. Подводя

22. При отсутствии перспективы членства в ЕС, у стран — участниц ENP может не оказаться достаточной мотивации для проведения внутренних реформ (Греббе, 2004), Джудит Келли, «Новое вино в старом бурдюке: поддержка политических реформ через Новую европейскую политику соседства», 2006 г.

итоги, если Молдова желает более тесно интегрироваться в ЕС, ей необходима воля (в особенности политическая) для проведения всех необходимых реформ независимо от болезненности этого процесса, чтобы в результате стать настолько европейской, что ЕС не сможет не принять ее в свои ряды. В то же время, если ЕС всерьез заявляет о своей роли международного субъекта и своих способностях к «трансформации» и «несиловому влиянию», ему необходимо реформировать ENP и обеспечить долгосрочную перспективу членства для таких стран, как Молдова.

Лилиана Вицу

Про автора:
Лилиана Вицу — занимает должность программного/информационного координатора в представительстве Евразийского Фонда в Молдове.

Quo vadis, Молдова?

Заметка об «оригинальности» в ландшафте Центральной Европы

Пятнадцать лет прошло с тех пор, как бывшая Советская Социалистическая Молдавская Республика, состоявшая после войны из трех четвертей бывшей румынской провинции Бессарабия, провозгласила о своей независимости от Москвы. Но мы можем уверенно утверждать, что эксперимент, начавшийся столь многообещающе (хоть и неуверенно) в августе 1991 года, сегодня создает ощущение почти единогласного провала впечатляющих размеров. Достаточно сопоставить надежды граждан, с которыми они начали свое смелое посткоммунистическое движение, с сокрушительной действительностью, превратившей с того времени большинство людей из творцов своей собственной истории в немых жертв, не осознающих своей неспособности избавится от условий рабства, доставшихся им по наследству, и проблем неблагоприятного географического положения. Я думаю, что перед тем, как формулировать какие-либо прогнозы по поводу ближайшего будущего страны, стоит подвести итог причин такого страшного разочарования молдаван.

Декларация Независимости Республики Молдова от 27 августа 1991 года выражала волю населения к свободе, которая на протяжении пятидесяти лет уничтожалась жестокой машиной денационализации. Проистекая из права выбора — обязательной предпосылки демократии — выбор бессарабов казался на тот момент вполне естественным. С другой стороны, это государство, которое до 1940 года не существовало автономно, в отличие от стран Балтии, которые, получив независимость в 1991 году, начали возвращаться к нормальному состоянию, нарушенному советским вторжением. Закон о Независимости Республики Молдова с самого начала поднял некоторые вопросы, так как он противоречил сценарию, развернувшемуся во всей Восточной Европе, где нации, порабощенные Россией, восстанавливали свой довоенный статус, оговоренный Версальским Договором. Следуя той же логике, окончание эры господства советского оккупационного режима в Бессарабии должно было смениться объединением с Румынией, от которой эта провинция была отделена Сталиным 28 июня 1940 года в соответствии с Пактом Молотова-Риббентропа. Румыния, которая двумя годами раньше (в декабре 1989 года) вышла из длинного туннеля коммунистической диктатуры, очевидно, предлагала такую возможность. Однако Республика Молдова не воспользовалась ею. Такая новая оригинальность в *ландшафте* предполагала некоторую ненадежность относительно победы демократических ценностей, торжествовавших в бывшем «советском блоке», в новом «государстве», расположенном между реками Прут и Днестр. Таким образом, проблема, с которой с самого начала столкнулась Республика Молдова, состояла не только в способности перехода от централизованной системы управления к демократической и капиталистической, но и в некоторой степени в *идентичности* государственного образования, появившегося на руинах мертвой империи. В результате, оно использовало свою истори-

ческую, геополитическую и культурную законность, сопутствовавшую демократическую законность, превращая в реальность право самоопределения государства. В самом деле, на какую законность с этой точки зрения могла претендовать провинция, чья независимость, как показало дальнейшее развитие событий, не отражала в значительной мере выражение воли к независимости по отношению к искажающему центру, но выражала отказ от восстановления *нормального сценария*, к которому возвращалось большинство стран Центральной и Восточной Европы? Какое основание для действия *иным образом* могли иметь творцы, взывая к этому геополитическому деятелю, Республике Молдова, о поддержке *иной* участи, которую они предпочли, включая отделение от того, что произошло всего год назад: воссоединение Германии через сорок пять лет после окончания Второй Мировой войны?

Таким образом, нетрудно объяснить недоумение граждан Румынии по поводу сомнений, касающихся объединения с Румынией, их соотечественников с территории, расположенной между реками Прут и Днестр. Замешательство, однако, возникло из невозможности осознать своей неудачной оригинальности: после кровавой революции, в определенный момент подтолкнувшей Румынию к переменам, происходивших в Восточной Европе, неокоммунистический режим правления был установлен в Будапеште, защищающем интересы Москвы в регионе. Этот режим ни на секунду не колебался официально признать второе в хронологическом порядке «оригинальное событие» на том же государственном пространстве: независимость Республики Молдова в то время, как всего четырьмя месяцами раньше, в апреле 1991 года, новый режим подписал с Советским Союзом соглашение, в соответствии с которым бывшие «партнеры по лагерю» взаимно подтверждали отсутствие каких-либо территориальных претензий…

Мы осуществляем эти действия, поскольку геополитическое формирование Республики Молдова существовало в зачаточном состоянии в то время, когда вышло из империалистической структуры. Несмотря на то, что *оригинальное отдаление* от вышеупомянутых «стандартов» Восточной Европы не было прямой причиной банкротства Республики Молдова как государства, оно (банкротство) объясняется отсутствием предпосылок, которые позволили бы пройти экзамен независимости. Сегодня, в конце 2006 года, это более чем просто очевидно: Молдова упустила все шансы воспользоваться расширением Европейского Союза только потому, что была на неверном пути.

Короткая история национального банкротства

Независимость, воспринимаемая в контексте распада Советского Союза и падения крипто-коммунистичского путча в Москве в августе 1991 года как первый шаг к «ликвидации последствий Пакта Молотова-Риббентропа» (цитата из Декларации Независимости Республики Молдова, принятой 27 августа 1991 года), утратила под давлением возобновления нео-коммунистических и реваншистских сил в Кишиневе и Тирасполе свою первоначальную мотивацию и стала *самоцелью* для олигархов у власти. Вскоре она

определила «охлаждение» отношений с Румынией и оказалась, в изменившихся географических условиях, скорее продолжением российского доминирования в регионе. Независимость остановила Бессарабию на полпути: между нехваткой румынской (определенной) идентичности и получением новой идентичности (маловероятной), процесс, который в известных условиях не означал ничего, кроме попытки спасти ложную «молдавскую» идентичность, созданную КГБ. Румынское сознание между реками Прут и Днестр, воплощенное особенно в интеллектуальности, не могло ограничиваться этим после 1991 года, исходя из общего мнения в форме национальной программы, которая, чтобы добиться успеха, должна была включать в себя и декоммунизацию: принятие законов про люстрацию и доступ к архивам КГБ. В результате этого старая номенклатура быстро вернулась к своим должностям и заняла антиреформаторскую позицию, враждебную идеям румынской общности. В дополнение, восстание сепаратистского режима в Приднестровье, поддерживаемое Москвой, против законной власти Кишинева превратило Республику Молдова в геополитического заложника России.

Лично я не из тех, кто обвиняет массы, избавляя от ответственности, например, интеллектуальность, но, вне всякого сомнения, мы живем в Бессарабии, проекции определенной внутренней структуры ее жителей, «души», которая формировалась десятилетиями, если не веками, существования в серой зоне Европы, в бесконечном геополитическом сомнении.

Молдаване никогда не были настоящими националистами (в значении, которое сегодня придают этому слову), имеющими исключительное чувство самоопределения. Советский эксперимент по созданию «нового человека» более преуспел между реками Прут и Днестр, чем в любых других регионах бывшей империи. Ярким примером этому может послужить то, что по прошествии десяти лет независимости конституция Республики Молдова предусматривает идеологически неверную модель государственного языка, созданную КГБ: «молдавский язык», но не румынский. Коммунистическая партия Владимира Воронина, которая вернулась к власти в 2001 году, не сделала ничего, кроме повторного внедрения идеологического обмана, стараясь навязать русский язык вторым государственным языком и заменить *Румынскую историю*, которую преподавали в школах после 1991 года, так называемым курсом Истории Молдовы, представленным как включение в Европейскую историю, которая выбирает и подчеркивает румынофобское видение советских времен. Или просто хорошо укрепленное в своих основополагающих символах, прежде всего языке и ряде добровольно выбранных ценностей, ценностей, связанных с современными временами, постколлониальное общество будет отнесено к цивилизации западного типа, естественной, взаимнопринятой чертой которого станет, например, многонациональность и «политкорректность». Лучшей иллюстрацией тому на постсоветском пространстве являются страны Балтии — вечный пример государств, чья сильнейшая национальная идентификация и внутренняя сплоченность (поистине укрепляющее качество при поддержке Запада) позволила впечатляющим образом развиваться на пути к Европейской интеграции с момента, когда они получили независимость в 1990—1991 гг.

Решение «второго выбора»

Республика Молдова будет наступать на грабли распада, пока ее жители, независимо от национальности, религии и политических предпочтений, не утвердят единую систему ценностей. Ключ к эволюции Республики Молдова состоит в выходе из неблагоприятного состояния конфронтации, в которой национальная идентичность большинства населения представляет собой главную тему дискуссии. Мы остались на баррикадах, на бесконечной войне противостояния: «молдаване» против русских или меньшинства гагаузов и, наоборот, «молдаване» против «румын». Я считаю, что проблема молдавского общества состоит в поиске *второго выбора*, который объединит по ту сторону изначального и необсуждаемого накала национальных идентификаций, разные этнические и политические группы из Бессарабии (даже в середине группы большинства, дифференциация между «молдаванами» и «румынами» отражает, мы подчеркиваем, *политический* критерий, а не этнический: это одна нация, но с противоположными геополитическими идеями и разной степенью образованности: большинство интеллектуалов называют себя «румынами», тогда как «молдаване» — жители внутренних районов страны с ограниченным уровнем культуры). «Второй выбор» или, другими словами, консенсус создаст место для соглашения, климата, в котором каждая из воюющих сторон сделает шаг назад, чтобы найти несколько точек сближения, приемлемое для всех временное соглашение. Пока мы не понизим тон полемики, которая разрывает общество граждан Республики Молдова, нам не удастся построить общенациональные планы. На наш взгляд, этот общенациональный план может быть только *Европейским планом*: демократическая плюралистическая система, свободный рынок, конкурентоспособный капитализм. Однако, «второй выбор» не будет сформулирован до тех пор, пока правящая Коммунистическая партия не прекратит проводить политику ре-идеологизации и ре-руссификации румынского большинства и национальных меньшинств, пока она отрицает европейские стандарты. Все это подрывает внутреннюю стабильность государства и отравляет отношения между людьми. Новая парадигма не может быть установлена, если в Республике Молдова не будет полностью гарантирована свобода выражения, если экономическое развитие не будет поощряться либеральными реформами и привлечением западных инвестиций.

Прогнозы на ближайшее будущее

Quo vadis, Moldova? В настоящее время это государство дрейфует, пребывая в подвешенном состоянии между Востоком и Западом, не имея социальной сплоченности. До сегодняшнего дня молдаване голосовали за Европу «своими ногами», мигрируя сотнями тысяч на нелегальную работу за границу, чтобы дома не умереть от голода. Все больше и больше людей хотят получить румынское гражданство: только за период август — сентябрь 2006 года в Румынском Консульстве в Кишиневе было зарегистрировано около 400 000 заявок местных жителей, общее количество которых составляет около четырех миллионов. Паспорт родственного государства,

Румынии, столь желаем, конечно, не по причине внезапного румынского национализма, но по причине преимуществ передвижения по Европе, которое он открывает, что является существенной экономической мотивацией в столь бедное время! Это может означать первый шаг соглашения молдаван на высшее национальное сознание и неявно — формулирование европейского образа, помощь молдаванам обрести достоинство в отношениях с государством, научить их бороться за свои права.

Молдова никогда не имела достаточного периода исторического междувластия для образования цивилизации на европейских основах. Лучшим, что она имела, были короткие интервалы свободы (в межвоенный период), когда она производила поколения на экспорт. То же произошло и после 1989 года. Основную опасность также представляет Россия, которая не прекратит любыми обходными путями предотвращать продвижение Республики Молдова на Запад. Не имея четкого горизонта Европейской интеграции, будучи лишенным основных государственных гарантий, правительство Кишинева до сих пор предпочитает «стратегию нейтралитета» и не осмеливается сделать завершающий выбор в пользу НАТО. В отличие от Грузии, с которой ее постоянно сравнивают, Республика Молдова может в любой момент стать жертвой решения, спланированного за ее спиной. Это скрытое влияние проявляется в политическом или экономическом давлении, с которым мы сталкиваемся в настоящее время, включая значительное участие Приднестровского фактора, или путем разнообразных подозрительных инициатив, происходящих под покровительством той же бывшей метрополии, например, «Международной православной» организации, целью которой является объединить восточных христиан во имя спасения «самобытности» в контексте глобализации и воздвигнуть «редут» на пути католического прозелита и протестантской импульсивности. Изумительно, что эти разрушительные проекты и до сих пор находят последователей в Румынии, секуляризованной стране, которая вскоре присоединится к Евросоюзу, также цивилизованному и секуляризованному. Объединение с другими странами на религиозных основаниях кажется мне опасным даже по определению, особенно в условиях продолжающегося «конфликта цивилизаций». Кроме того, вступление в такой «духовный союз» с Россией, страной, которая не разделяет западные ценности, подавляет демократическую свободу внутри своего государства и пытается разобщить Европу путем энергетического шантажа, означает игнорирование собственных национальных интересов. Необходимое условие для получения свободы – это смелость избежать воспоминаний о прошлом.

Виталие Чобану

Про автора:
Виталие Чобану — член Союза писателей Республики Молдова, главный редактор журнала «Контрафорт».